

**Crème de la Crème**





Ханс Хенни Янн

# Томас Чаттертон

*Перевод*

*Татьяны Баскаковой*



Kolonna Publications  
Митин Журнал

ББК 84.4 Нем

*Hans Henny Jahnn*  
**Thomas Chatterton**

Издательство благодарит Ирину Вячеславовну  
Тюрину за помощь, благодаря которой  
книга вышла в свет.

Редактор: Дмитрий Волчек  
Верстка и обложка: Дарья Протченкова  
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

©Hans Henny Jahnn, 1956  
©Татьяна Баскакова, 2013

ISBN 978-5-98144-171-4

## **Содержание**

Первое действие. Конец июня 1767	<b>9</b>
Второе действие. Зима 1767/68	<b>35</b>
Третье действие. Осень 1768	<b>59</b>
Четвертое действие. Зима 1769/70	<b>83</b>
Пятое действие. Июнь – август 1770	<b>121</b>
<i>Татьяна Баскакова.</i>	
Три правды «Томаса Чаттертона»	<b>152</b>



## ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

7

**Старая миссис Чаттертон**

**Сара Чаттертон**, *ее невестка*

**Томас Чаттертон**, *сын Сары*

**Мэри**, *ее дочь*

**Уильям Барретт**, *хирург, акушер и летописец*

**Генри Бергем**, *именуемый также*

*Де Бергамм, оловящик*

**Джордж Саймс Кэткот**, *его компаньон*

**Джон Ламберт**, *адвокат*

**Ричард Филлипс**, *могильщик, дядя Томаса*

**Ричард Смит**, *пивовар, президент общества  
«Дельфин», отец Уильяма и Питера*

**Уильям Брэдфорд Смит**, *друг Томаса  
Чаттертона, прежде деливший с ним постель  
в Колстонской школе<sup>1</sup>*

**Петер Харли Смит**, *его брат*

**Томас Кэри**, *друг Томаса Чаттертона,  
когда-то деливший с ним постель в Колстонской  
школе, ученик купца (в пьесе не появляется)*

**Абуриэль**

**Сэр Эбрахам Исаак Элтон**,  
*городской писец Бристоля*

---

<sup>1</sup> Колстонский приют в Бристоле был учрежден в 1708 г. филантропом Эдвардом Колстоном (1636-1721) и предназначался для воспитания мальчиков в духе англиканской церкви.

**Джон Макартур**, свидетель  
**Уолмсли**, штукатур в Шордиче

**Миссис Уолмсли**

**Джек**, ее племянник, пятнадцати лет

**Мария Рамси (Полли)**, девица, дочь  
 бристольского винодела

**Миссис Баланс**, вдова моряка,  
 кузина Томаса Чаттертона

**Миссис Эскинс**, знакомая Сары Чаттертон  
 (в пьесе не появляется)

**Миссис Эйнджел**, «кунтушница»<sup>2</sup>  
 в лондонском районе Холборн

**Арран**, хастлер

официально оба «торгуют  
 бельевым товаром»

**Нэнси Брокидж**, уличная девка

*Призраки:*

**Уильям Барретт**

**Генри Бергем**

**Джордж Саймс Кэткот**

**Ричард Смит** (старший)

**Томас Кэри**

**Уильям Смит**

**Питер Смит**

**Монах Томас Роули**

**Мастер Чени**, поющий мальчик

*Место: первые четыре действия – в Бристоле,  
 пятое – в Лондоне*

*Время: июнь 1767 – 24 августа 1779 года*

*«Справа» и «слева» – с точки зрения актеров*

---

2 Дамская портниха, шьющая платья-кунтуши (цельнокроенные платья с заложенными на спине складками, ниспадающими по прямой линии от шеи вниз).



## ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

9

КОНЕЦ ИЮНЯ 1767 ГОДА  
ШВЕЙНАЯ КОМНАТА В ДОМЕ  
САРЫ ЧАТТЕРТОН

ВЕЧЕР

*Старая миссис Чаттертон сидит на стуле, справа, и курит трубку. Сара Чаттертон, страдающая от дрожательного паралича, лежит на кровати в глубине сцены. На ближнем плане, слева, Томас Чаттертон, в костюме ученика Колстонской школы («синего мальчика») – синий плащ с оранжевой подкладкой, беффхен<sup>3</sup>, биретта<sup>4</sup>, поддерживаемая лентой, оранжевые чулки до колен, бронзовый дельфин на груди, дополненный личным ученическим номером, тонзура, – сидит за столом у окна, читает и пишет. Кукла-манекен Матильда, задрапированная кусками материи. Полки с книгами и старинными фолиантами.*

**Старая миссис Чаттертон** (под-

---

3 Белый нагрудник в виде двух ниспадающих лент, элемент одежды ученого (или протестантского священнослужителя).

4 Четырехугольная шапка с тремя или четырьмя гребнями наверху, увенчанными посередине помпоном. У ученых она обычно была черного цвета.

нимается со стула; шаркая ногами, пересекает комнату и уходит, но по пути сердито говорит). Схожу-ка я к Ричарду Филлипсу, на кладбище. Миссис Эскинс сегодня зайдет поздно, только чтобы поделиться новостями. Свою дочь Мэри, эту дуреху с длинными руками, от которой проку все равно никакого, ты отдала в услужение крестьянину. Для другого она не годится, тут я согласна: из-за сильных месячных девчонка совсем одурела. Только лучше бы она помогала мне, старухе: у меня разболелось колено от ветра, который по-прежнему задувает в оконные и дверные щели. Я тебе говорю-говорю, но все без толку...

*(Ни Сара, ни Томас не реагируют на ее слова и на то, что она уходит.)*

**Сара Чаттертон.** Томас! Мне не видно, что ты там делаешь.

**Томас.** Упражняюсь в чистописании.

**Сара.** Ты все не шелохнешься... Часы на башне Марии Рэдклифской уже четырежды отбивали по полчаса с тех пор, как ты вернулся.

**Томас.** Да неужели? Я здесь уже так долго?

**Сара.** Ты не проголодался? В ларе еще должен быть хлеб.

**Томас.** Знаю, мама. Но я сегодня не голоден.

**Сара.** Мне страшно за тебя, Томас. Той малости, что ты ешь, недостаточно. Раньше ты, по крайности, наедался хлебом. Но теперь и о нем не думаешь.

**Томас.** Почти час, как я о нем не вспоминал.

А должен был бы... хотя бы ради тебя. Уже восемь, если ты правильно посчитала. Я, пожалуй, принесу чай и хлеб – бабушке сегодня не до того.

**Сара.** Хлеб для тебя! Я-то тихо лежу в кровати, мне он не нужен. Супа, который мы ели на обед, для меня достаточно. Ты же все время на ногах; ты долго отсутствовал: вероятно, ходил с юным господином Уильямом – или с Кэри – на луг возле реки.

II

**Томас.** Нет. Я был один... или почти один. Мама... Мне сегодня не хочется есть. Я подержу руки в теплой воде. Они замерзли. А больше ничего не надо. К ночи я жду Уильяма. Он будет спать у меня. Я нуждаюсь в его тепле, когда не сплю в дортуаре Колтонской школы и со мной не делится теплом мой тамошний постельный товарищ.

**Сара.** Не нравится мне, что ты говоришь. Ты надеешься на здоровье других. А тебе бы надо самому питаться получше. Ты молодой, ты растешь и должен был бы иметь аппетит – как все другие, кто молод и кто растет.

**Томас.** Я уже поел, мама... Раньше... Прежде чем вернулся домой.

**Сара.** Это на улице или на лугу тебя досыта накормили? Кто в такое поверит? Или человеческая жестокость в одночасье исчезла, и нашлись желающие чем-то угостить бедного ребенка? Ты лжешь, Томас: лжешь, чтобы я взяла этот хлеб.

**Томас.** Я в самом деле хочу, чтобы ты взяла хлеб; но я не лгу.

**Сара.** Тебе скоро будет пятнадцать. С пятнад-

цати или шестнадцати лет человек лжет.

**Томас.** Я не лгу.

**Сара.** Человек греховен – и очень слаб.

**Томас.** Ты несправедлива ко мне.

12

**Сара.** Не хочу тебя обижать. Значит, ты среди бела дня заснул и увидел сон. Избавился от голода во сне. Давай сойдемся на этом. Я могла бы сообщить, что ты заснул. В комнате было очень тихо. Меня мучили дурные предчувствия. Я не слышала твоего дыхания. Слышала, как сочатся капли по стенам. Как дерево потягивается и трещит. Что-то было и за окном. Ветер – или чья-то рука. Рука Марии Рэдклифской, по стеклу... Томас – в последние недели опять схоронили десятерых. Далеко ли они отсюда – или остаются пока в могиле? Кто знает?

**Томас** (*подходит к ее кровати*). Не думай так много о мертвых; от этого тебе лучше не станет.

**Сара.** Они рядом. По ту сторону улицы начинается их царство. Я часто думаю, что твоим отцом был умерший. Он лежал в гробу, а ты тогда был еще чем-то очень маленьким в моем животе; ты появился на свет через три с половиной месяца. И родился мертвым, как твой брат Жиль Малпас, которого ты должен был заменить. Ты не дышал. Но твой дядя Ричард, могильщик, как раз в тот момент заглянувший к нам в окно, не желал возиться теперь еще и с тобою. Он вошел в комнату, поднял тебя с пола – миссис Эскинс уже готова была предать младенчика земле, – вынес на улицу и, ухватив за ножки, вертел над своей головой,

пока ты не закричал. С тех пор ты здесь. Хоть, похоже, сплошь сотворен из смерти.

**Томас.** Я, однако, не отличаюсь от других людей.

**Сара.** Ох... Ты себя не знаешь. Миссис Эскинс говорит, ты горд, как Люцифер.

**Томас.** Она что же – лично знакома с этим прекраснейшим ангелом? 13

**Сара.** Какой ребенок стал бы так насмехаться? Но ты, увь, уже не ребенок. Ты рослый, хотя ешь мало; ты выглядишь почти как мужчина, хоть непонятно, в силу каких причин; ты умен, но я не знаю, кто тебя учил уму-разуму.

**Томас.** В раннем развитии нет ничего плохого; скорее, это преимущество.

**Сара.** Ты кажешься ровесником Уильяма Смита, который на три года старше тебя.

**Томас.** У него медлительный ум; но он приятен мне, как никто другой.

**Сара.** Отец оставил тебе книги; в них, возможно, написано что-то умное. Но есть среди них и гадкое, коварное сочинение: «Введение в некромантию». Я знаю, ты его часто читаешь.

**Томас.** Нет, только изредка.

**Сара.** Подумай, Томас: мертвые могущественнее живых. И многочисленнее. Они окружают нас, и их намерения нам неведомы... Как бы то

ни было, они *мерзнут*, в этом я уверена.

**Томас.** Тогда, наверное, я уже давно уподобился им? Ведь мне почти всегда холодно... за исключением тех ночей, когда меня кто-нибудь греет.

14

**Сара.** Я не могу ответить: язык не очень хорошо подвешен. Но я о тебе забочусь и потому говорю глупые вещи, которые – у тебя в голове – переворачиваются или искажаются. Я требую одного: чтобы ты оставался здоровым – чтобы продолжал жить... Чтобы ты жил, вот чего я требую...

**Томас.** Я все перенесу, мама...

**Сара.** Твоя сестра... переносит жизнь плохо. Она простодушна, как я... И даже бывает иногда не в себе. Да ты и сам знаешь. Она явилась в этот мир под крышей беды. Твоему отцу я понравилась, когда мне не было и семнадцати. Я вскоре забеременела. А свадьба состоялась лишь через десять недель после рождения Мэри.

**Томас.** Для бедных людей такая последовательность разумна. Или, по крайней мере, естественна.

**Сара.** Может, и так; но тот год выдался неудачным. Твой отец был церковным певчим и школьным учителем. Венчаться нам пришлось в Содбери.

**Томас.** Небеса притесняют притесненных, а благами осыпают богатых.

**Сара.** Грех так говорить; но разум не позво-

ляет опровергнуть твои слова.

**Томас.** Разве разум есть нечто греховное, а добродетельна только глупость?

**Сара** (*отвечает не сразу*). Я в свое время устроила тебя в Колстонскую школу. Ты там обучился чтению, письму и счету, еще каким-то наукам. Так вот: теперь школа тебя *отпускает* и *передает на попечение наставнику*, ибо она и так тебя безвозмездно одевала и кормила на протяжении почти семи лет. Мистер Ламберт, благородный господин из сословия адвокатов, отныне будет тебя использовать как писца. На семь лет, в соответствии с обычаем, ты будешь *отдан ему в пользование*; он же, со своей стороны, обязуется тебя кормить и одевать.

15

**Томас.** Почему до сих пор никто мне об этом не говорил?

**Сара.** Тебя предпочли другим. Я сама узнала только сегодня. Мистер Ламберт желает, прежде чем заключит договор, еще раз увидеть тебя и проэкзаменовать. Я пытаюсь тебя к этому подготовить. Он придет к нам сегодня вечером, потому что я к нему прийти не могу. И приведет городского писца сэра Эбрахама Элтона, чтобы все было оформлено правильно.

**Томас.** Хорошо.

**Сара.** Тебе нравится такая профессия?

**Томас.** Что мне в ней может не нравиться?

**Сара.** Твой лоб иногда так бледнеет, будто за

ним скрываются глубокие мысли, влечение к свободе и авантюрам. А все это не годится для писца.

**Томас.** Буквы я всегда рисовал с увлечением.

**Сара.** Разве дело только в буквах, Томас? Не содержание ли историй тебя привлекало?

16 **Томас.** Написанное... Истории... – они прочней, чем реальность. Они по большей части бывают мрачными; но это *мрачное* пробуждает особую радость... (*Он внезапно отворачивается.*) ...особую радость... Ты ступаешь по полу, как если бы он был из воздуха или стекла. Рассматриваешь свои руки – и они голубовато мерцают. С руками можно разговаривать, как с незнакомыми людьми...

**Сара.** Томас – не грешни!

**Томас.** Я сейчас принесу тебе хлеба и чаю.

**Сара.** Хлеб для тебя. Я настаиваю. Не хочу, чтобы ты опять погрузился в грезы, забыв про голодное утро.

**Томас** (*решительно*). Я поел. И в моих словах нет лжи.

**Сара.** Кто же тебе дал? Кто тебе дал поесть?

**Томас.** Я не знаю, *кто* он.

**Сара.** Чужой, значит. И чем же ты ему пособил, что он дал тебе поесть?

**Томас.** Я ему ничем не пособил. Он мне *по-*



встречался. И, не задумываясь, предложил еду.

**Сара.** Как он мог знать, что ты голоден?

**Томас.** Догадался. Прочитал по лицу. В любом случае – он так или иначе узнал, что в желудке у меня пусто.

**Сара.** И что он тебе дал?

17

**Томас.** Хлеб. Колбасу. Кусок окорока.

**Сара.** Удивительно, что он все это имел при себе. И поделился с тобой, не поставив условий. Он тебя знает?

**Томас.** Думаю, нет.

**Сара.** Но колбасу и окорок не раздаривают кому попало.

**Томас.** Он их нашел.

**Сара.** Нашел? Нашел *на дороге*? В это невозможно поверить.

**Томас.** Хлеб он не находил.

**Сара.** Томас, остерегайся неправды! Боюсь, ты сочиняешь... Он, дескать, нашел колбасу и окорок. А в придачу к ним купил хлеб.

**Томас.** Хлеб он не покупал.

**Сара.** Как это? Он его не находил, он его не

покупал... Может, в конце концов окажется, что он пекарь?

**Томас.** Нет, он не пекарь.

**Сара.** Откуда тогда взялся этот хлеб?

**Томас.** Хлеба было мало. Совсем маленькая булочка. Шарик, какой выпекают из остатка теста.

18

**Сара.** Томас, ты лжешь. Откуда же он взял эту булочку?

**Томас.** Украл.

**Сара.** И ты ел краденый хлеб?! Или ты не знаешь, как наказывают воров?

**Томас.** Он сказал: немного хлеба – ровно столько, чтобы я насытился – он вправе для меня украсть; тем более, что хлеб несвежий и ему красная цена два фартинга. Его все равно бросят свиньям.

**Сара.** Твоя совесть, видать, заснула. Наверняка колбаса и окорок тоже краденые, хотя ты можешь об этом не знать.

**Томас.** Я знаю, что они *не* краденые. Мясник был пьян и уронил их с лотка. Две тонюсенькие палочки: остатки от ливерной колбасы, какие суют в рот младенцу; и прокопченная куриная гузка, продавать которую как окорок – обман.

**Сара.** Что же это за человек, который соблаз-

няет тебя краденой едой?!

**Томас.** Он мне понравился. У него приятный голос, похожий на голос Уильяма. И смотреть на него приятно. Он был хорошо одет... Одно мне не понравилось: он запретил отнести часть хлеба и мяса тебе.

**Сара.** Догадался, наверное, что я не проглочу и куска незаконно обретенной пищи.

19

**Томас.** Он сказал: твой голод – старый голод; мой же голод – молодой, а это совсем не одно и то же.

**Сара.** Он дурак или жалкий обманщик, по нему плачет виселица: он просто еще не добрался до своего пенькового пристанища, болтающегося под небом... Меня огорчает, что ты так *неумен*.

**Томас.** Что же неумного в моем поведении, если *он* разумно отвечал на все возражения и сумел меня убедить?

**Сара.** Ты изменился, Томас. Ты говоришь как чужой для меня человек. Твой *внутренний эталон* извратился.

**Томас.** Ничего плохого со мной не произошло. Я говорю разумно. Мне встретился тот человек. Он произнес фразу о старом и молодом голоде. Я – в его присутствии – внезапно почувствовал, что сам тоже молод и голоден. Я еще сомневался, не хотел брать предложенное. Тогда он объяснил свою мысль обстоятельнее: если я открою рот и начну жевать, мне будет приятно. Тогда и *карти-*

на *внутри* меня станет приятной.

**Сара.** Неподобающие слова! Господи, да ты все это сочинил! Это всего лишь выдуманная история. Ты лжешь, Томас!

20 **Томас.** Он еще кое-что сказал о *приятном*. И я думаю, он в этом разбирается. Он заговорил о приятности моих мыслей и о том, что сегодня, и завтра, и еще какое-то время я буду *красивым*. Но потом, дескать, мне придется *вышколить* свою фантазию, доверившись тому, что принято называть *духом*.

**Сара.** Он тебе совсем заморочил голову. Был бы это честный человек, он бы не льстил и не делал двусмысленных намеков.

**Томас.** Если бы ты его увидела, ты бы заговорила по-другому!

**Сара.** Ничего хорошего в этой встрече нет. У него непорядочные намерения.

**Томас.** Я, наверное, никогда больше его не увижу. Он живет не в Бристоле. Он прибыл издалека. И не сказал мне, где это Далеко. Я только знаю, что он здесь не останется, не вправе остаться. Он говорил о какой-то должности, которую ему доверили, но – ничего определенного. Под конец я узнал, что он беден, очень беден. Беднее, чем мы. При расставании он подарил мне три шиллинга. Случайно упомянув, что это вся его наличность. Да и эти деньги, эти три монетки, – из кармана одного богатого человека.

**Сара.** Томас!..

**Томас.** Тот человек вскочил на лошадь. Умчался прочь. А монетки валялись в пыли, и мой новый знакомый подобрал их, сохранил, чтобы сделать потом что-то хорошее.

**Сара.** Ты лжешь. Ты эту историю выдумал. В ней нет ничего реального. Ты так же голоден, как прежде.

21

**Томас.** Ничего я не выдумал! Придет врач, и ты выздоровеешь. Я ему отнес шиллинг. Правда, ему еще надо было съездить в деревню, потому что у порога доктора дожидалась, помимо меня, акушерка, которая хотела проводить его к роженице. Когда я дал ему деньги, он обещал, что сегодня вечером заглянет к тебе. А вот и оставшиеся два шиллинга – чтобы купить лекарство и что ты еще захочешь.

**Сара.** Я не хочу ни врача, ни лекарств!

**Томас.** Уже не первую неделю ты жалуешься и просишь помощи: говоришь, тебе нужен врач, добрый совет, уход...

**Сара.** Три шиллинга не сделают бедного человека богатым.

**Томас.** Они помогут продержаться. А вскоре у меня появится приработок.

**Сара.** Спальное место и еду тебе обеспечат, а также постельное белье и одежду – больше ничего.

**Томас.** Я предприимчив. Попробую писать

для газет.

22

**Сара.** Ты высоко занесся, и мысли у тебя путаются. Как я могу тебе верить? Ты говоришь о *ком-то*, описываешь его внешность, упоминаешь, что в Бристоле он появился случайно: чужак, странник, но бедный, хоть и хорошо одет; ко всему прочему – вор, подбирающий с дороги монетки... Так как же его зовут? Проявив к тебе такое расположение, он наверняка назвал свое имя, которое ты до сих пор скрываешь.

**Томас.** Абуриэль.

**Сара.** Абуриэль? Это не человеческое имя. Томас, загляни в себя! Ты выдумал это слово. Опусть голову и признай, что ты лжец!

*(Стук в дверь, и тотчас входят: тучный рослый господин, адвокат Джон Лэмберт; свидетель Джон Макартур и городской писец сэр Эбрахам Исаак Элтон. Вместо приветствия они слегка наклоняют головы. Лэмберт оглядывается, делает несколько шагов, стараясь не приближаться к кровати, и останавливается возле книжных полок.)*

**Томас** *(кланяется)*. Это мы, сэр: моя мать Сара и я, Томас Чаттертон. Там есть одна довольно ценная книжка, сэр: «The Recueille of the Historys of Troye» бургундского поэта Рауля Лефевра, напечатанная в 1475 году, в Брюгге, искусным Уилья-

мом Кекстоном<sup>5</sup>. Мой покойный отец, который был школьным учителем и церковным певчим, оставил ее нам. Книгу нашли в одном из семи закрытых на семь замков сундуков бургомистра Уильяма Кэнинга, друга короля Генриха VI. Мы поэтому не решились с ней расстаться, хотя могли бы выручить за нее целую гинеею. Кроме того, я ее охотно читаю.

**Ламберт** (*неожиданно поворачивается к нему*). Вот как... Мне, собственно, ни к чему это знать. Я сам вижу, что у вас имеются старые зачитанные книжки, ни на что не годные.

23

**Сара**. Ты слишком навязчив, Томас.

**Томас**. Простите, сэръ... Я только хотел показать, что не вовсе лишен познаний...

**Ламберт** (*поворачивается к кровати Сары*). Мы пришли, чтобы заключить договор, – господин городской писец со своим свидетелем и я. Вы, сударыня, утверждали, что ваш законный сын Томас хорошо воспитан и клиентов не отпугнет. (*Он приближается к Томасу.*) Против его внешнего вида мне возразить нечего; правда, он хуже, чем хотелось бы.

---

5 «Собрание повествований о Трое» (*староангл.*) – французский рыцарский роман, написанный Раулем Лефевром, священником времен короля Филиппа III. Переведен Уильямом Кекстоном и напечатан им в 1473 или 1474 году в Брюгге. «Собрание повествований» считается первой книгой, напечатанной на английском языке. Этот том сегодня находится в Хантингтонской библиотеке (США).

**Сара.** Мы бедны, сэ. Он нарастит мясо, когда начнет столоваться за вашим столом.

**Ламберт.** Так ты думаешь, что сможешь стоять за пюпитром, копировать документы, составлять счета и прошения?

**Томас.** Да, сэ.

24

**Ламберт.** Ты умеешь читать, понимать прочитанное, писать, считать? Так указано в свидетельстве, выданном Колтонской школой.

**Томас.** Да, сэ.

**Ламберт.** Покажи, что ты копировал в последнее время.

**Томас.** Вас интересует курсив? Или изящные шрифты? Может быть, римский? Я разбираю и печатные буквы, вырезанные Уильямом Кекстоном.

**Ламберт** (*приближается к столу*). Что тебе до этого Кекстона? Я хочу увидеть твои последние упражнения.

(*Подходит к столу и рассматривает лежащие на нем листы.*)

**Томас.** Это, сэ, образчик скорописи – очень быстрого письма.

**Ламберт** (*читает вслух*). «— Он вдруг остановился, будто забыл что-то, оглянулся, дотронулся белой рукой до голубой предвечерней дымки и дважды произнес, приглушенно: Я – Абуриэль...»



**Томас.** Сэр, это ничего не значит, поверьте, – просто упражнение в чистописании. Ты что-то выдумал... И вот оно уже записано, без всякой разумной цели.

**Ламберт** (*с любопытством смотрит на Томаса*). Здесь еще раз значит: АБУРИЭЛЬ.

**Томас.** Потому что, сэр, он дважды это повторил.

25

**Ламберт** (*берет другой лист*). А здесь вся страница заполнена – то мелким каллиграфическим почерком, то крупным, с завитушками... то печатными буквами: АБУРИЭЛЬ АБУРИЭЛЬ...

**Томас.** Сэр, я просто боялся забыть это имя, вы понимаете? Такое странное имя...

**Сара.** Томас – Томас!

**Ламберт** (*небрежно бросает листки на стол*). Почерк небезупречен; но, может, его удастся поправить... Дело в том, что мы, юристы, предпочитаем составлять документы по-старинному неразборчиво.

**Томас.** Я легче усваиваю новые навыки, чем другие ученики.

**Ламберт.** Надо будет попробовать, на что ты годишься. А пока что – вот договор. Внимательно прочитай. На семь лет тебя *отдают мне в пользование*, как ученика писца. Все это время я буду, согласно обычаю, заботиться о тебе.

**Томас** (*берет договор и читает*). – – На протяжении семи лет... он не вправе ни посещать трактиры, ни играть в кости, ни развратничать с проститутками, ни вступать в брак... Ему будут предоставлять еду и питье, хорошего качества и в достаточном количестве, а также белье и шерстяную одежду, жилье и все необходимое... однако стирка и починка одежды не предусматриваются... (*Томас прерывает чтение.*) Мы обещаем друг другу многое.

**Ламберт**. Я же не изверг.

**Сара**. Миссис Эскинс будет содержать в порядке твое белье, она обещала.

**Ламберт**. Напиши здесь свое имя.

**Томас**. Да, сэр.  
(*Расписывается.*)

**Ламберт**. Сэр Эбрахам Элтон, прошу вас...  
(*Городской писец и Джон Макартур ставят свои подписи.*)

**Ламберт**. Подпись твоей матери не требуется. (*Он расписывается сам.*) Договор заключен при свидетелях. (*Складывает бумагу и прячет ее в карман.*) В понедельник, в восемь утра, ты – одетый как сейчас, только чище, и имея при себе писчие принадлежности – явишься в мою регистратуру, к старому писцу Эндрю.

**Томас**. Да, сэр.

**Ламберт**. Доброй ночи.

*(Он, сэр Эбрахам Исаак Элтон и Джон Макарутур поспешно удаляются.)*

**Сара.** Мне едва верится, что все кончилось хорошо. Чего ты только ни наболтал! Господа могли подумать, что у тебя помутился рассудок. Зачем ты писал эти буквы – АБУРИЭЛЬ? Пытался вызвать демона? Я давно подозреваю, что старые книги принесут тебе несчастье.

*(В дверь снова стучат.)*

27

**Томас.** Наверное, пришел врач. *(Идет к двери, открывает, кланяется.)* Добро пожаловать, сэр. Это наша комната. Ребенок уже родился, он жив?

**Уильям Баретт** *(заходит в комнату, пристально смотрит на Томаса).* Не каждый из тех, кто был призван, остается. Это относится и к заносчивым умникам.

**Сара.** Томас... Мне стыдно за тебя.

**Баретт.** Не беспокойтесь, сударыня. Для юноши лучше оставаться тем, кем он хотел бы быть, а не становиться каким-то другим человеком, никому не известным... *Ребенок умер, и мать тоже.* Помолитесь за них Господу! Я-то знаю, что не врачи выносят такой приговор роженице. *(Томасу.)* Чем раньше мир для человека темнеет, тем легче человек смиряется с этим – и тогда покидает земную юдоль без сожаления и раскаяния. Красивое – всегда только оболочка, которая быстро облупливается.

**Сара.** Печальное у вас учение, сэр, – хотя, может, в чем-то вы и правы. Но для Томаса оно не годится: он и так думает больше, чем следует.

**Барретт.** Глупцу в жизни больше везет; однако осмысленное человеческое лицо есть нечто неповторимое.

28 **Сара.** Глаза Томаса – серая бездна, с самого раннего детства.

**Барретт** (*отворачивается от Томаса*). Они в самом деле... неприступно глубоки. Однако не будем об этом.

*(Он пододвигает стул к кровати, садится).*

**Сара.** Мы не осмеливались беспокоить вас раньше, сэр... из-за отсутствия денег.

**Барретт.** Понимаю. В каждом доме свои неприятности. Исключений тут нет.

**Сара.** Мы, бедняки, обычно имеем, чтобы защититься от смерти, лишь два-три шиллинга.

**Барретт.** Врач рад и мелким монеткам: серебро это серебро.

**Сара.** Дела у нас не всегда шли так скверно. После кончины мужа, учителя, я открыла здесь швейную мастерскую. Томас с восьми лет учился в школе. Его старшая сестра Мэри до недавнего времени помогала мне в работе. Я могла бы отложить деньги. Но прошлая зима, похоронившая Бристоль под завалами льда и снега, принесла нам болезнь. Дочке сильно нездоровилось, пришлось отослать

ее из дома. У меня же начали отниматься руки и ноги. Сперва казалось, что недуг этот несерьезный, ведь боли не было, – и я пыталась сама себя вылечить мятой и растительным маслом. Но вскоре я уже не могла держать иглу. Однажды, когда кроила материю, я уронила ножницы. И не сумела поднять. Кто-то из девушек вложил их мне в руку, но я не смогла ими пользоваться. Девушки-швеи захихикали, свекровь высмеяла меня. Доверие клиентов к моим профессиональным навыкам испарилось за одну ночь. Больной – совсем не тот же человек, что здоровый.

**Барретт.** В постели вы не испытываете страданий?

**Сара.** Когда лежу, мне кажется, что я влачу жребий камня. Я не ощущаю ничего, кроме тяжести.

**Барретт** (*неуверенно*). Речь идет о нарушении, вызванном расстройством нервов. – Постарайтесь понять: человеческий организм редко находится в равновесии. Даже у подростков, которые с надеждой обращают лицо к подвижной дымке еще только предстоящей им жизни и тупо удивляются развитию собственного организма, на коже появляются гнойнички: забитые черным сальные железы. И нам остается лишь недоумевать по поводу причин таких *совпадений*, таких *неудобств*.

**Сара.** Зачем это надо – так думать и говорить?

**Барретт.** Врач не вправе с неприязнью отворачиваться от каких бы то ни было проявлений

жизни. Он повсюду обнаруживает странности, отклонения, безумства Природы – одним словом, чудовищное. И излечение удастся ему лишь в том случае, если он восстановит нарушенное равновесие жизненных соков... Мне нужна ваша моча, сударыня. Пусть Томас принесет мне ее в бутылочке.

*(Поднимается. Выходит на середину комнаты.)*

30

**Томас.** Что вам известно о смерти, сэр?

**Барретт.** Ничего. Даже меньше, чем ничего.

**Томас.** Но вы ведь только что были свидетелем двойного *exitus*'а<sup>6</sup>.

**Барретт.** Не бойся: может, ее вообще нет.

**Томас.** *Вообще нет смерти?*

**Барретт.** А если она и есть... если есть нечто, что полностью нас уничтожает, превращает *всё внутри нас* в непробудный сон... тогда оснований для страха еще меньше.

**Томас.** Но если тепло улечитится... а тело, возможно, погрузится в сон, будет видеть ужасные сны и больше не проснется... и будет мерзнуть...

**Барретт.** Я знаю только процесс умирания... Успокойся: то, что мы видим, может оказаться иллюзией. Вина отдельного человека – не верь в нее!

---

6 Ухода (латинск.).

Все заранее predetermined: рождение... и потом продолжение рода; все стертые в кровь ноги, все жёлчные и мочевые камни... Тем не менее, каждый делает, что может. О том, в конечном счете, и идет речь. *(Он собирается уходить.)* Даже вор, болтающийся на виселице, сделал в своей жизни, что мог.

**Томас.** Но мама выздоровеет?

**Барретт.** Я обещаю тебе... применить все свое искусство.

*(Уходит.)*

**Томас.** Мама... Наступит другое время.

**Сара.** Оно уже здесь.

**Томас.** Я имел в виду: лучшее.

**Сара.** Лучших времен не бывает. Смотри, у тебя появились черные гнойнички: закупоренные сальные железы на носу и на лбу. Это и есть другое время, *уже наступившее.*

**Томас.** Почему ты недовольна моим лицом?

**Сара.** Оно явно что-то скрывает. Признайся, по крайней мере, что ты пытался вызвать духа. Или скажи, что Абуриэль это ложь, не что иное как ложь (так было бы лучше всего), разгорячившая тебе голову. Или – что это незнакомец (ничтожная личность), возможно, имеющий в отношении тебя нечестные намерения. Но даже если это слово – всего лишь ложь, оно означает нечто скверное. А именно: *другое время, которое уже началось.*

**Томас.** Я стану порядочным человеком. Я буду зарабатывать деньги.

**Сара.** Через семь лет.

**Томас.** Нет, скорее.

**Сара.** Как же ты заработаешь деньги?

32

**Томас.** Потому что хочу.

**Сара.** Даже этот Абуриэль (если, конечно, ты его не придумал) не имел при себе заслуживающей упоминания наличности. Даже он!

*(Уильям Смит шумно, не постучав, вторгает-ся в комнату. Он почти на три года старше Томаса, однако по-мальчишески миловиден. У него темно-каштановые волосы. Он беззаветно предан своему младшему другу.)*

**Томас.** Уильям... Ты сдержал обещание и пришел. У меня есть, что тебе рассказать. Голова моя переполнена, а сердце пусто...

**Уильям Смит.** Твоя бабушка шла за мной по пятам и вот-вот будет здесь. Добрый вечер, миссис Чаттертон!

**Сара.** Добрый вечер, мистер Смит.

**Старая миссис Чаттертон** *(входит)*. Вы от меня убежали, мистер Смит-Младший! Хочу вам заметить, в этой связи, что я пока ни одного человека не покусала...



**Уильям.** Прошу прощения. Я очень торопился.

**Старая миссис Чаттертон.** Вы торопились к Томасу. Удачной такую отговорку не назовешь.

**Уильям.** Я просто совсем недавно завел привычку ходить с определенной скоростью...

33

**Старая миссис Чаттертон.** Скажем правду: вы красивый юноша, я же старуха. Каждый ходит своим путем.

**Уильям.** Этого я не имел в виду.

**Томас.** Хватит, Уильям. ...Бабушка, у меня к тебе просьба: ты не могла бы помочь маме?

**Старая миссис Чаттертон.** Я ей всегда помогаю, насколько хватает сил.

**Томас.** Я бы хотел прямо сейчас подняться с Уильямом в мансарду.

**Старая миссис Чаттертон.** Идите, идите... Надеюсь, скоро миссис Эскинс придет.

**Томас.** Чай заварить я не успел.  
(Уходит вместе с Уильямом Смитом.)

**Старая миссис Чаттертон** (снова сует себе в рот неизменную трубку). Слава Богу, что есть этот Смит. Он никогда не важничает, а ведь его отец пивовар. Это доходное дело. Кроме того: пиво возвращает душевное спокойствие.

Жаль, наш Томас пива не пьет, а только воду хлебает. Между прочим, этот пивовар Смит (уже не первый год управляющий – как президент общества «Дельфин» – Колтонским приютом) имеет, в общей сложности, четырех сыновей. Старший, Дик, – величайший негодник в нашем городе. Его уже вышвыривали из трех школ. В девять лет он успел поработать каменщиком на строительстве какого-то дома и заработал деньги – потому что перед тем, опьянев от пунша, подрался и подставил подножку педелю. После его послали в Винчестер. Сейчас он помощник Джона Тауэнсенда, хирурга в нашем госпитале. А значит, можно сказать, работает в *пыточной камере* Бристоля: на предприятии, поставляющем изуродованные трупы... Меня пугает, что Томас встречается с этим неудачником... Сара – я тебе приготовлю чай, раз миссис Эскинс пока не пришла...

*(Уходит.)*

## ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

35

ЗИМА 1767/68

БРИСТОЛЬ, КОРН-СТРИТ

*Канцелярия и регистратура адвоката Ламберта. Старый дом. Высокое окно. Две двери: одна справа, другая на заднем плане. Два пюпитра. Вдоль стен – книги, фолианты, документы: связанные пачками или сброшюрованные. Кадастровая карта городской застройки. Томас Чаттертон, хорошо одетый, стоит у правого пюпитра и пишет. Вечер. Три свечи.*

**Джон Ламберт** (в плаще, готовый к выходу, входит справа). Томас – я иду к себе на квартиру, поужинать. У тебя есть работа. Если, паче чаяния, придут клиенты, задержи их, поговори с ними, пусть они изложат свое дело, а ты все вкратце запиши, мне на заметку. Веди себя осмотрительно и думай о нашей выгоде.

**Томас.** Да, сэр.

**Ламберт.** Через час я вернусь.

**Томас.** Еще одно, сэр!

**Ламберт.** Ну?

**Томас.** Один вопрос: почему вы меня принуждаете столоваться и спать вместе с кучером и служанкой?

**Ламберт** (*неприятно удивленный*). А что, должно быть по-другому?

36

**Томас.** Могло бы быть по-другому.

**Ламберт.** Они люди простые, из простых семей. Ты разве лучше их?

**Томас.** Я в вашем доме не слуга. Я не принадлежу к низшему сословию. Я бы довольствовался куском черствого хлеба, лишь бы под столом мои ноги не соседствовали с ногами этих двоих.

**Ламберт.** Глупости ты говоришь. Они славные люди. Старая преданная домоправительница и Говер, двадцатипятилетний кучер: жизнелюбивый человек, хорошо обращающийся с животными... Я ведь не требую, чтоб ты спал в одной постели со стариком.

**Томас.** Вы же знаете, как обстоит дело с этим жизнелюбием, сэр. Я вам рассказывал. По вечерам Говер пьет крепкие напитки. Потом у него пахнет изо рта. Из-за такого запаха я с трудом засыпаю.

**Ламберт.** Он лучше многих других. Ты к Говеру несправедлив. Тебе не хватает жизненного опыта.

**Томас.** Каждый раз в канун воскресенья он приводит какую-нибудь портовую девку. Тогда мы

делим постель на троих. Тихо у них не получается, а если когда и получится, то один раз не в счет.

**Ламберт.** У тебя завышенные требования к людям. Мы живем не в золотой век. Да золотого века и не было никогда. Его придумали впечатлительные натуры. Я не могу просто отключить потребности Говера. Я тебе разрешил дважды в неделю ночевать в доме твоей матери. А раз так, ты можешь как-то договориться с напарником.

37

**Томас.** Вы пошли мне навстречу, сэръ, я это очень ценю.

**Ламберт.** Значит, обсуждать больше нечего. Отвыкай от гордости: ты здесь всего лишь ученик. Я тебя хорошо одеваю, забота о *своем* престиже, не о твоём.

**Томас.** Только не отдавайте меня в работный дом!

**Ламберт.** Что ты этим хочешь сказать?

**Томас.** Очень может быть, что я оттуда сбегу.

**Ламберт** (*спокойно*). Не получится, Томас. Еще шесть лет – и потом делай, что хочешь. Хорошо, что ты вспомнил о работном доме. Он всегда открыт для беглецов, которые не знают или не хотят признавать силу договора и стоящих под ним подписей. Ты же умен. Ты понимаешь смысл должностных актов и документов. И не станешь действовать опрометчиво. Наконец, я доволен тобой. Ты получаешь деньги на карманные рас-

ходы и можешь оплачивать свой абонемент в библиотеке Грина. Ты привыкнешь к сложившемуся положению вещей, к человеческому сообществу, которое ты, к сожалению, презираешь, к той системе, которую мудрые столпы общества воздвигают посредством законов и обычаев. То, что тебе кажется плохим или жестоким, на самом деле служит добру, иначе Господь не стал бы это терпеть. Мягкость законодателей способствует разращению нравов. Поэтому именно жесткость есть добродетель государства, Церкви и наставников.

**Томас.** Да, сэръ, я слышал об этом.

*(Ламберт уходит через дверь в глубине сцены.)*

**Томас...** На протяжении семи лет он не вправе ни посещать трактиры, ни играть в кости, ни развратничать с проститутками, ни вступать в брак... Семь лет лицемерия и эксплуатации... Впрочем, это у нас *принято*, принято повсеместно. А если я сделаю что-нибудь *не так, как принято*, меня ждет рабочий дом – благодаря законам, превосходно упорядочивающим жизнь. Ну и влип же ты, Томас! И смеяться тут не над чем. *(Успокаивается.)* Хорошо хоть он ушел, наш славный господин адвокат... Когда ты дома один, ты вроде бы и не один. Только где они, эти демоны и ангелы, которых я имею в виду? Которые ничего не понимают в документах, приложениях, законах, удостоверениях, правовых понятиях, распоряжениях, предписаниях, нормах обращения с недвижимостью, парламентских решениях, полицейских постановлениях; для которых голод это голод, бедность – бедность, сочувствие – сочувствие, Томас Чаттертон – Томас Чаттертон? Да, Томас Чаттер-

тон это Томас Чаттертон. Простое высказывание, обобщающее сложное положение вещей. *(Снимает с пюпитра руководство по некромантии, раскрывает его.)* Однако Абуриэль – не Абуриэль. Его нет. И никогда не было. Мистер Абуриэль, я вас увидел во сне. Это только мой вымысел – что вы существуете. Кто скажет такому мальчишке, как я, что у него, дескать, *дикий лоб*? Лоб – просто бледный. Деньги я в тот день сам нашел. А откуда же взялся рот, полный красного своеволия? Рот только говорит... пережевывая, изничтожая голод. Сало было *не салом*, и хлеб был воздухом. А как же проход в цветущее запределье? И – аромат молодых каштанов? ...Обо всем этом Томас говорил Томасу. А поскольку он не хотел, чтобы Томас разговаривал с Томасом, как зеркало с зеркалом, висящим напротив, он и наколдовал себе мистера Абуриэля. С тех пор я перепробовал все магические формулы. Но *он* больше не навещает меня.

*(Стук в дверь, расположенную на заднем плане; Томас поспешно открывает, отступает на несколько шагов. Входит Абуриэль, одетый как путешественник: скромно, но добротнo.)*

**Томас.** Это вы? Мистер Абуриэль? Возможно ли?

**Абуриэль.** Это я, Томас. Почему ты испуган?

**Томас.** Я не был готов к такому... К вашему посещению... И что вы постучитесь именно в этот дом... к жалкому адвокату... А не выберете место получше...

**Абуриэль.** Главное, я здесь. Снова в Бристолле. Дай руку, Томас. Мы ведь достаточно хорошо друг друга знаем.

**Томас.** Достаточно хорошо? Сомневаюсь, что это так. Вы совсем выпали у меня из памяти.

**Абуриэль.** И все же, дай руку!  
*(Они приближаются друг к другу.)*

40

**Томас.** Я думал, вы безвозвратно исчезли.

**Абуриэль.** Я скучал по тебе. Мне дали поручение: отныне оставаться в Бристолле. Должностные обязанности не противоречат моим желаниям.

**Томас.** В деловой жизни это исключение, причем крайне редкое.

**Абуриэль.** Ты, видно, уже приобрел некоторый опыт относительно поступков и привычек других людей.

**Томас.** Пожалуй. Вокруг меня – залежи письменных испражнений их предпринимательской и юридической фантазии.

**Абуриэль.** Я вижу на полках и книги.

**Томас.** Мне некогда их читать.

**Абуриэль.** Жаль... Может, займемся этим вместе.

**Томас.** Что вы имеете в виду?



**Абуриэль.** Это мое предназначение: что я тебе предан. Даже свалившись в выгребную яму, ты по-прежнему был бы приятен мне. Нечистоты можно смыть, и останется ядро: в данном случае Томас Чаттертон.

**Томас.** Я свалился не в выгребную яму, а в кучу пыли. Я вбираю в себя симфонию из низости и скуки, рассчитанную на семь лет. Все это время я должен буду дышать паутиной. Я стану худым, как скелет, и под конец научусь ловить мух, чтобы питаться ими. Что-то в таком роде непременно случится. Единственная альтернатива – еще более нескончаемая, более дурацкая музыка в могиле; где, правда, не так удушливо-сухо, как в пыли.

41

**Абуриэль.** Ты, наверное, помнишь мои слова: что заслуживающей упоминания собственности у меня нет. Я не могу тебе дать денег, не могу помочь и какими-то другими простыми средствами. Тут дело не в моем нежелании, не в жадности и не в жизненных принципах. Просто я ничем не владею. Для тебя это печально; и для меня тоже... но в ином смысле. Я пришел, чтобы... Твоя юность – ценность: *чудовищная*, но и *преходящая*. Твой высокий лоб красив, твои руки меня восхищают. Я достаточно свободен, чтобы сказать тебе это. Я люблю тебя; правда, на свой манер – на свой, ни к чему тебя не обязывающий. Я ничего не требую. Я и в дар ничего от тебя не приму... разве что самую малость. Если когда-нибудь я так увлекусь тобой, что захочу тебе помочь деньгами, а это значит: совершу ради тебя кражу, разбой, убийство... Тогда я, как Падший, буду навсегда удален отсюда. Я не смогу даже отдать тебе захваченную добычу; такого случиться не должно.

**Томас.** Вы, наверное, хотели проконсультроваться с мистером Ламбертом?

**Абуриэль.** Вовсе нет. Я даже не хочу, чтобы меня здесь увидели. Поэтому, если кто-то придет, я спрячусь.

**Томас.** Спрячетесь? Где?

42

**Абуриэль.** Это старый дом. В нем есть потайные двери и потайные проходы.

**Томас.** Я ни о чем таком не слышал.

**Абуриэль.** Может, ты еще сегодня о них узнаешь. Даже наверняка. Я слышу, кто-то поднимается по лестнице.

*(Он приближается к полкам. В дверь стучат. Абуриэль толкает стенку с книжными полками, которая отъезжает в сторону, освобождая проход, – и исчезает за ней.)*

**Томас** *(пристально смотрит на закрывшийся проход, протирает глаза)*. Мистер Абуриэль! Ваше поведение... не лишено жути.

*(В дверь снова стучат. Томас открывает. Входят пивовар Ричард Смит и его сын Питер. Молодой человек удивительно похож на своего брата Уильяма, только волосы у него светло-русые. Нежное лицо Питера отмечено не осознаваемой им меланхолией.)*

**Ричард Смит.** Добрый вечер... Ах, это вы, юный господин Чаттертон! Могу я видеть господина адвоката Ламберта?

**Томас.** Прошу вас, сэра, садитесь. Я хотел бы сказать вам кое-что...

**Ричард Смит.** У нас срочное дело.

**Томас** (*пристально смотрит на Питера, который в этот момент кланяется*).

**Ричард Смит.** Мой сын Питер. Вы с ним не знакомы, Чаттертон. Он надолго уезжал из Бристоля. 43

**Томас.** Он похож на Уильяма... Даже слишком. Как его второе «я».

**Ричард Смит.** Он на год младше. И волосы у него светло-русые. Этим они отличаются друг от друга.

**Томас.** При свете свечей такие различия не отчетливы. Я мог бы подумать, что это мой друг... Но чем-то испуганный...

**Ричард Смит.** Доложи обо мне мистеру Ламберту.

**Томас.** Его сейчас нет в конторе –

**Ричард Смит** (*поднимается*). Мы не можем терять время.

**Томас.** Оставайтесь, пожалуйста, сэра. Я уполномочен действовать от его имени.

**Ричард Смит.** Это уже второй адвокат, которого нынче вечером мне не удастся застать на месте.

**Томас.** Я составлю протокол и еще сегодня передам его господину адвокату. Вы не пострадаете, сэр, оттого что с ним разминувшись. Поверьте, я добросовестен и не упущу ничего.

**Ричард Смит.** Не исключено, что и с третьим адвокатом мне нынче не удастся поговорить... *(Он снова усаживается.)* У меня вечно неприятности с сыновьями –

44

**Томас** *(начинает писать).* ...Явился президент общества «Дельфин», управляющий Колстонской...

**Ричард Смит.** Оставьте формальности, юный господин Чаттертон! Вы знаете, кто я. И мистер Ламберт тоже это знает. Пивовар... Владелец пивоварни, вот моя профессия.

**Томас.** Только порядка ради... А как зовут мистера Смита-Младшего? Питер...

**Питер Смит.** Питер Харли Смит.

**Ричард Смит.** Рассказ о деле, приведшем нас сюда, не займет много времени. Этого олуха завтра торжественно исключат из латинской гимназии на Кристмас-стрит, хотя он пробыл в городе не дольше недели: отчасти потому, что он кое-что учинил, отчасти – из-за его глупости.

**Томас** *(поспешно).* Не соглашайтесь ни с чем. Второе утверждение сомнительно.

**Ричард Смит.** Я не хочу, чтобы это случилось. Нужно вмешаться. Я обладаю немалым авторитетом; дело адвоката – его использовать.

**Томас.** Так или иначе, но мы их намерению воспрепятствуем.

**Ричард Смит.** Теперь – к самому происшествию, которое моему сыну зачли в вину. Наши улицы, улицы Бристоля, – такие же, как в любом торговом приморском городе. На них случается многое, чему вообще не следовало бы случаться. Человеческая натура, как известно, склонна ко всякого рода излишествам. Питер еще не закалился. Или, может, он восприимчив к определенным идеям. Кто знает... Как бы то ни было, Питер проходил мимо, когда какой-то парень – постарше, чем он, – собирался содрать шкуру с живой собаки. Парня, как выяснилось позже, зовут Перси. Он уже держал наготове нож и обмотал руки мешковиной, зная, что животное будет кусаться. Ему хотелось посмотреть, как освежеванная собака побежит прочь, – так он это потом объяснил. Мой сын – новоиспеченный ученик с Кристмас-стрит, которого все это совершенно не касалось, – не говоря ни слова, заехал парню кулаком по лицу. Из рта Перси сразу выскочили два зуба. Собака между тем скрылась. Перси устоял на ногах. Он поднял обмотанный мешковиной кулак с ножом. Начал тыкать лезвием куда не попадая. Даже задел предплечье своего обидчика.

45

**Томас.** Так юный господин Смит был ранен?

**Ричард Смит.** Он получил ранение; но не стал недееспособным. Он вторично нанес удар, по распухшим губам Перси. Нож упал на землю – вместе с еще одним зубом. Парень опрокинулся навзничь. Увлекая за собой некстати подвернувшуюся штангу, и эта штанга разбила окно,

точнее – три или четыре стеклышка в оконном переплете. Это несущественный урон, и его легко можно возместить. Но Питер не умел рассчитать ни собственную физическую силу, ни силу своего гнева. Он, ослепленный яростью, пнул противника в живот – и, видимо, не один раз. Подбежавшие уличные сторожа доставили ученика латинской гимназии к его ректору. Хулигана посадили в карцер. Оттуда я его вызволил. Он теперь сидит под домашним арестом у меня дома.

**Томас.** Какое несчастливое стечение обстоятельств!

**Ричард Смит.** С юридической точки зрения тут все ясно. Нарушение общественного порядка на улицах, драка, телесные повреждения. Что такое собака по сравнению с человеком, который наделен душой? Соболаговолите ли вы, Чаттертон, все так и передать адвокату? Мистер Ламберт должен завтра, с самого раннего утра, явиться ко мне.

**Томас.** Конечно, сэр. Ни одна деталь не ускользнула от моего внимания. И на память я не жалеюсь.

**Ричард Смит.** Что ж, полагаюсь на вас.

**Томас.** Позвольте сказать еще два словечка, сэр...

**Ричард Смит.** Говорите, Чаттертон.

**Томас.** Отставание в латинской грамматике... если я вас правильно понял... легко навер-

стать. Я мог бы каждый день выкраивать по два-три часа... уверен, мистер Ламберт не будет возражать... чтобы помочь юному господину Смиту готовить домашние задания.

**Ричард Смит** (*неприятно удивлен*). Я ценю ваше предложение, Чаттертон. Вы, конечно, говорите сейчас как друг Уильяма; однако я сомневаюсь, что сами вы в достаточной мере понимаете латинский язык. В Колстонской школе его не преподают.

47

**Томас**. Кое-какие познания у меня имеются. Я декламирую наизусть Вергилия.

**Ричард Смит**. Гимназический распорядок допускает такие встречи – в лучшем случае – раз в неделю. Может, вы лишь хотите сказать, что не прочь были бы подружиться и с Питером. Он, конечно, будет вас иногда навещать, вместе с братом... Но пока что – доброй вам ночи.

**Томас**. Доброй ночи, сэр... Доброй ночи... юный господин Смит.

**Питер Смит**. Чаттертон... Мой брат делил с вами постель в Колстоне и до сих пор остается вашим другом. Называйте меня Питером... если хотите.

**Ричард Смит** (*он уже открыл дверь*). Ты под домашним арестом, мой мальчик, не забывай этого.

*(Ричард Смит и Питер быстро уходят.)*

**Томас** (*долго смотрит на захлопнувшуюся дверь*).

**Абуриэль** (*тихо входит, снова сдвинув в сторону стенку с книжными полками*). Томас...

**Томас** (*вздрагивает*). Ах да, мистер Абуриэль... я забыл про вас. Вы подслушивали за стеной?

48

**Абуриэль**. Я всегда подслушиваю, когда нахожусь поблизости. Это одна из моих должностных обязанностей.

**Томас**. И что вы скажете о видах на будущее для юного господина Смита?

**Абуриэль**. Он станет твоим другом – еще одним, наряду с Уильямом и Кэри.

**Томас**. Я имел в виду его положение в гимназии на Кристмас-стрит.

**Абуриэль**. Способность испытывать жалость – индивидуальное достижение; жалость *не полезна*. Чтобы объединить людей в человечество – ради определенных надобностей и целей, – требуется жестокость. Что значит жизнь собаки? На улицах Бристоля ежедневно околевают запряженные в волокуши лошади<sup>7</sup>; до последнего мига перед смертью их нещадно осыпают побоями. А как ведут себя люди *в своем кругу*? Они шагают вперед – от рабства к инквизиции, от инквизиции к войне, от войны к бюрократии, от бюрократии к

---

7 Грузы в Бристолле перевозили на волокушах, чтобы не повредить канализацию под находящимися в плохом состоянии мостовыми. См. статью Янна «К трагедии Томас Чаттертон» (Hans Henny Jahnn. Werke und Tagebücher, Bd. 7. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1974).



рабству. Это спираль, которая заканчивается где-то в глубокой бездне, в непроглядном мраке.

**Томас.** Вы этого не знаете. Вы не юрист.

**Абуриэль.** Только не обманывайся относительно происхождения твоей симпатии! Твой хрупкий мятущийся дух надеется обрести покой рядом с простодушными.

49

**Томас.** Это звучит как упрек.

**Абуриэль.** Но ведь тебе не свойственна верность.

**Томас.** Ваши слова отдают горечью.

**Абуриэль.** Давай поговорим о Бристоле. То, что произошло и произойдет с тобой, с Кэри, с Уильямом и Питером Смитами, – не более чем туманная дымка над землей. Каждый человек превеличивает собственную значимость, поскольку забывает, что ему не известно, откуда он пришел. Бристоль же очень давно является местом, наполненным человеческой гнилью. Он тянется ввысь почти сотней церквей, лесом корабельных мачт, а в глубине лежат люди прошлых эпох, *одновременно молодые и старые*, которых никто не знает, хотя мог бы знать, потому что они были точно такими же, как те, что живут сегодня. Нигде нельзя откопать ту прежнюю плоть: даже могилы давно сравнялись с землей, а кости рассеялись. Разве что в церквях сохранились надгробия, какой-нибудь скульптурный портрет, эпитафия на стене, вырезанная на мраморе хвалебная речь... Только *написанное*, этот слабый экстракт вялотекущей дей-

ствительности, дает иногда узкую полосу вспыхивающего бытия. Посмотри на карту Бристоля с ее кадастровыми границами, номерами земельных участков, названиями улиц и кварталов: на эту паутину из впечатляющих слов, относящихся к жителям погребенного города! *(Он берет с полки фолиант.)* Вот, главная поэма этого сообщества: украшенный гербами и закорючками документ о последних жилищах, которые город дал *обреченным на истлевание*. Земляная и каменная книга кладбища Святого Иоанна. Список погребений. Находящихся в каменных склепах, земляных норах, в капеллах и сводчатых подвалах... Существуют бедные и богатые. Существуют дух, гений и миловидность плоти. Существуют неудавшиеся жизни, отупение, *незавершенное*, калеки, невозмутимые дураки и похотливые честолюбцы. Земля заглатывает их всех, без разбора. Но они вновь и вновь оказываются здесь. *В нас и рядом с нами.*

**Томас.** Я тоже был здесь с незапамятных пор? Вы так думаете, Абуриэль?

**Абуриэль** *(рассматривает книгу)*. За какой же она год? 1464/65/66... Записи кончаются 1479-м. Это наше время, Томас, не так ли? Время, в которое нам *хотелось бы жить*.

**Томас.** Как попала сюда эта книга?

**Абуриэль.** Дом стоит уже несколько веков. Тогда здесь тоже жил некий Ламберт. Он был нотариусом. Мастером на фабрике под названием Кладбище Святого Иоанна. Он умер. А книга осталась. *(Листает фолиант.)* Мы ведь искали могилу, земляную дыру под слоем дерна...

**Томас.** Не припомню, чтобы мы что-то такое искали.

**Абуриэль.** Ну как же, как же – только чья это могила?

**Томас.** Могила пивовара. Скажем так: моего недавнего посетителя.

**Абуриэль** (*показывает пальцем на одно место в книге*). Вот здесь читай! Читай вслух! 51

**Томас.**...сим подтверждает поступление тела мистера Ричарда Смити. Гроб, колокольный звон и могила возле южной стены оплачены, в третью седмицу после Пятидесятницы...

**Абриэль** (*закрывает книгу*). Год 1472-й.

**Томас.** Дайте мне книгу!

**Абуриэль.** Умерь свой пыл! Она остается в регистратуре, ты сможешь ее посмотреть в любое время.

**Томас.** Дайте мне поискать еще одну запись, пожалуйста!

**Абуриэль.** И о чьем погребении ты хотел бы узнать?

**Томас.** Питера... Питера Смити.

**Абуриэль.** Его имя вряд ли отыщется в этой книге. Или ты хочешь, чтобы он умер молодым?

**Томас.** Может быть.

**Абуриэль.** Хочешь, чтобы Питер Смит умер молодым?

**Томас.** Если мне самому суждено умереть молодым, я хотел бы, чтобы и он...

52 **Абуриэль.** Тогда раскрой книгу еще раз! Если ему на роду написано умереть молодым – а ты ведь этого хочешь, – страница, где он упомянут, покажется сама.

**Томас** (*берет книгу, закрывает глаза, назад раскрывает фолиант*). Начало года.

**Абуриэль.** Пролистай на две страницы назад!

**Томас.** Зачем?

**Абуриэль.** Пролистай назад. Игре случая всегда надо немножко помогать.

**Томас** (*переворачивает листы*). В самом деле! ... Моя голова опустошена.

**Абуриэль.** Ты сам этого хотел. (*Выглядывает из-за плеча Томаса и читает.*) ...Питер Харли Смити... Ведь его так зовут? ...Без гроба, но завернутым в тонкий саван в крипте под хором *sine solemnitate*<sup>8</sup> погребен. Четвертая седмица после Рождества...

---

8 Без торжественных обрядов (*латинск.*).

**Томас.** Что значит: *sine solemnitate*?

**Абуриэль.** Что он совершил самоубийство.

**Томас.** Он сам себя убил?! (*Безвольно позволяет Абуриэлю забрать книгу. Тот ставит ее на место.*)

**Абуриэль.** Что такое время, нам знать не дано. Что означает жизнь, от нас скрыто. В какие моменты человек бывает самим собой, мы тоже не знаем. На тебя возложено особое бремя, ибо ты существуешь *сейчас*. Ты чувствуешь, что до материи бытия можно дотронуться. Твоя рука скользит по стене, ощупывая ее –

53

**Томас.** Нужно сказать им всем, что когда-то они уже были здесь: они этого не знают.

**Абуриэль** (*говорит тихо*). Их ведь очень много. Не только эти. Мертвый город живет. Теперь ты научишься смотреть на всё другими глазами. Смотри на то, что *ты* думаешь и чувствуешь, и считай это более достоверным, чем общепринятое. Возьми эту твою действительность и покажи ее недействительному миру замороженных деловых отношений. Наступил момент, когда ты должен положиться на свою внутреннюю силу. Ты должен оставить бедность позади. Ты нуждаешься в деньгах, Томас, и ты сумеешь их раздобыть, если приложишь духовные усилия, сядешь на крылатого коня и найдешь применение своим лживым измышлениям – своей неотступной грезе.

(*Пока продолжается эта речь, стена с книгами снова отодвигается, и из-за нее выходят, друг за другом – освещенные красно-фиолетовым светом,*

в одеждах конца пятнадцатого столетия, – Уильям Барретт, Генри Бергем, Джордж Саймс Кэткот, Ричард Смит (старший), Томас Кэри, Уильям Смит и Питер Смит, одетый богаче всех; последним – монах Томас Роули.)

**Абуриэль.** Не пугайся! Исчезла завеса, только и всего. Греза это не греза, грезой является так называемая действительность.

54

**Томас.** Кто они? Откуда пришли?

**Абуриэль.** Из книг. Они – *написанное*, и уже в силу этого достоверны. Если хочешь, чтобы они не просто оставались мысленными картинами, но сделались материей, прахом, землей, плотью и миловидностью... Если ты этого захочешь, они тебе подчинятся. Подойди ближе! Загляни им в лица. Увидишь, что и одного, и другого, и третьего ты хорошо знаешь.

**Томас.** Врач, мистер Барретт, – а кто эти люди с ним рядом?

**Абуриэль.** Господа Генри Бергем и Джордж Кэткот: оловянщики, чья лавка располагается на углу Редклиф-стрит.

**Томас.** Да, я припоминаю, что встречался с ними. Красивым мистера Кэткота не назовешь, но очевидно, что здоровье у него отменное.

**Абуриэль.** Большой оригинал: *осел, оседлавший рысака*, как выразился о нем мистер Бергем, когда в июне прошлого года мистер Кэткот проезжал верхом по новому, еще не достроенному

Эйвонскому мосту<sup>9</sup>. Он заикается, но декламирует стихи без ошибок. Он вспыльчив, на кухне ведет себя как Александр Великий: ест только ростбифы и трижды на дню самолично поджаривает для себя хлебцы. У него неправильной формы задница, а книги он читает только такие, что были написаны больше ста лет назад.

**Томас** (*смеется*). А о мистере Генри Бергеме что скажете?

55

**Абуриэль**. Он, можно сказать, меценат, поклонник музыки, но человек весьма легковесный.

**Томас**. А эти мертвые куклы – мои друзья?

**Абуриэль**. Соседство даже самых близких людей не всегда бывает приятным...

**Томас**. Как понимать присутствие здесь монаха?

**Абуриэль**. Это Томас Роули, поэт. Несуществующий. Образ, сотканный фантазией. Он никогда не заговорит; однако его незримая рука, высовываясь из складок сутаны, часто будет водить твоим пером. Взгляни: он только туманная дымка; и рука его – не более чем дымка, и мозг тоже.

*(Монах исчезает.)*

---

<sup>9</sup> Новый мост через реку Эйвон был торжественно открыт в сентябре 1768 г. Тщеславный Кэткот заплатил пять фунтов за право первым проехать по нему верхом (когда доски настила еще не были полностью приколочены). См.: Nils Höpfner. Ein Wunderkind aus England. Zum 250. Geburtstag von Thomas Chatterton am 20. November 2002 (публикация в Интернете).

**Томас.** Но вы назвали его Томасом. Разве я – дымка?

**Абуриэль.** Речь не о тебе. Он нам *привиделся*, потому и пришлось дать ему какое-то имя.

**Томас.** Пивовар... так не похож на себя... И одет щегольски... А Питер Смити – вылитый принц... или незаконный сын принца.

56

*(Видения исчезают.)*

**Абуриэль.** Поднявшиеся к нам уже удалились. Ты понял смысл видения?

**Томас.**

Поймет ли заблудившийся в тумане,  
В какое место довелось ему попасть?  
С дороги сбившись, сам себя обманет,  
Что речка тут течет, не сможет разобрать.  
О дереве, что близко, но незримо,  
Ему поможет догадаться тихий плач:  
Ведь ветки плачут так неудержимо...

Мистер Абуриэль, я опустошен собственными мыслями. Фантазии пронизывают меня, расщепляют мой мозг. Город – с тех пор, как его основали – был погребен уже раз пятьдесят. Где теперь те времена? Где мертвые? Где их голоса? Их тепло? Куда подевались былые радости, куда – преступления?<sup>10</sup> Всё – лишь *прохождение сквозь*. Шум на улицах... – и больше ничего?

---

10 Томас повторяет здесь жалобу, в классической форме сформулированную Франсуа Вийоном: «Принц, красота живет мгновенье. / Увы, таков судьбы закон! / Звучит рефреном сожаленье: / Но где снега былых времен?...» («Баллада о дамах былых времен», перевод Ф. Мендельсона)



**Абуриэль** (*резко перебивает его*). Здесь стоят книги. Читай их! Пойми, ты можешь *расти* или *уменьшиться*<sup>11</sup>. Время пока что тебе благоприятствует.

**Томас**. Неужели вот это, это ставшее зримым Ничто, и есть награда за мои занятия некромантией?

**Абуриэль**. Похоже, что так. (*Он отодвигает стенку с книгами.*) Я пройду этим путем.

57

**Томас** (*хочет последовать за ним, но стена снова смыкается*). Мистер Абуриэль! (*Томас пытается открыть проход; это не удается.*) Обман. Иллюзии. Замутненный воздух. Взвихренная пыль. Старый дом, пахнущий привидениями. И ничего – для рук, хотящих что-то ощупать. Даже этот последний, Абуриэль, *разрежен*, как зеркальные отблески. Дурак, который уподобился шороху, дурачащему дурака... И все-таки он говорил со мной, как если бы был частью моих ответов самому себе. Я, дескать, *призван*: таков итог. Призван к чему? Время покажет. *А путь?* Путь со временем обнаружится. Сейчас, во всяком случае, я один. На сегодня всё это внезапно закончилось. Остались книги, которые упрощают прошлое, словно жизнь с давних пор есть лишь *безудержное говорение*. Протокол. Я сам, состоящий из плоти, костей и мозга, заполнен... Чем? Мысленными образами, страхом, неуверенностью, неуспокоенностью, кроваво-багряным сном – сном, полным пространств, которые никто не измерит. И в черепе

---

<sup>11</sup> Ср. слова Иоанна Крестителя о Христе (Ин. 3:30): «Ему должно расти, а мне уменьшаться».

моем разливается жар, как в паху... Да, но сейчас я слышу шаги Джона Ламберта.

*(Он подходит к пюпитру и делает вид, будто пишет.)*

**Ламберт** *(появляется на пороге)*. Надо же, ты еще работаешь. Я тобой доволен. Можешь отправляться домой. Этот день уже отошел.

58 **Томас**. Нет, сэр. Еще одно срочное дело. Здесь были клиенты. Я составил протокол. И должен разъяснить его вам, даже если мы задержимся за полночь.

**Ламберт**. Настолько это, по-твоему, важно? Удивительно: важные вещи еще не перевелись... Но, собственно, что считать важным?

**Томас**. Такую оказию, сэр.

**Ламберт**. Коли не шутишь, пойдем в контору –

*(Оба уходят через правую дверь.)*

## ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

59

ОСЕНЬ 1768

### ПРОСТОРНАЯ МАНСАРДА В ДОМЕ ВДОВЫ САРЫ ЧАТТЕРТОН

*В комнате: широкая кровать; большой стол, весь заваленный книгами, бумагами, пергаментами, писчими принадлежностями; ларь; на крючке – старинная, странного вида одежда; кукла-манекен Матильда (плетеный из прутьев каркас, покрытый льняной материей) – обнаженная, с деревянной, тоже обтянутой тканью головой; два стула. Ночь. Полнолуние. На сундуке рядом с кроватью горит свеча. Две свечи на столе.*

**Уильям Смит** (неподвижно лежит в кровати; потом, шевельнувшись, ощупывает одеяло рядом с собой). Его нет. Томаса нет. Он не может противиться луне. (Садится, возится с огнивом, зажигает свечу.) Я хотел бодрствовать; но сон унес меня прочь от него – куда-то... Как давно он встал? От его тепла ничего не осталось. Все тепло здесь – мое. (Осторожно встает; тихо ступая босыми ногами, обходит комнату, с беспокойством заглядывает во все углы, останавливается возле куклы.) Она как человек. У нее есть имя, как у че-

ловека. Матильда, девица. (Двумя пальцами до-  
трагивается до куклы.) Зачем Том притащил ее  
сюда? У нее страшное лицо. (Боязливо возвраща-  
ется в постель.) Постараюсь больше не засыпать.

60 **Томас Чаттертон** (бесшумно влезает в  
окно, босой и в ночной сорочке; пересекает комна-  
ту, пляясь в пространство неподвижными широ-  
ко открытыми глазами; укладывается в постель  
рядом с Уильямом).

**Уильям** (мягко). Томас – Томас – Томас –  
проснись же!

**Томас** (очнувшись). Что такое?

**Уильям**. Ты спал?

**Томас**. Ну конечно... Что еще я мог, по-  
твоему, делать?

**Уильям**. Нет, Томас... Я должен сказать те-  
бе: ты только что влез сюда через окно, добрав-  
шись до него по крыше.

**Томас**. Тебе привиделся сон, Уильям. Я ле-  
жал в постели.

**Уильям**. Другие тоже об этом знают.

**Томас**. О чем знают другие? И о каких других  
идет речь?

**Уильям**. Что ты, как лунатик, бродишь во  
сне.

**Томас.** И я должен в такое поверить?

**Уильям.** Где ты был, Томас? Долго ли отсутствовал? В какую часть города забрел?

**Томас.** Не выводите меня из терпения. Я спал.

**Уильям.** Ты не лежал со мной рядом. Я зажег свет. Тебя не было в комнате. Скажи, что ты просто ходил в сортир, тогда все снова будет хорошо. Ах нет, не будет – ты ведь зачем-то влез через окно.

61

**Томас.** Я не был в сортире. А окно закрыто.

**Уильям.** Оно открыто, Томас.

**Томас.** Пусть открыто... не все ли равно.

**Ричард Филлипс** (*входит через дверь*).  
Не бойтесь, это я: могильщик Ричард Филлипс.  
Здесь, к счастью, горит свет. Значит, вы не спите.

**Уильям** (*в страхе хватается за Томаса*).  
Это вы, Филлипс? В самом деле вы?

**Филлипс.** Я вам уже представился. Больше того: вы меня узнали. Он здесь, этот полуночник? Я пришел убедиться, что он вернулся домой. Он заставил меня попотеть, ваш дружок. У меня и рубашка взмокла, и волосы.

**Томас.** О ком вы, дядя Ричард? Я что-то не понял.

**Уильям.** Расскажите, прошу вас. Ведь вы его видели. Вы видели его в городе.

**Филлипс.** Не в моем обычае врываться по ночам в дома других людей и подходить к чужим кроватям... если, конечно, никто не умер. Но Томас – мой племянник, и это извиняет меня.

**Уильям.** Вы встретили его на улице –

62

**Филлипс.** Никто не скажет, что я боязлив, подвержен страхам. Рытьем могил я занимаюсь, как правило, по ночам; по крайней мере, если луна светит ярко. Я работаю в одиночестве, и какой-нибудь череп, выкинутый мною из земли... или берцовая кость... говорят мне не больше того, что может сказать мертвец: то есть *не говорят ничего*. Во время этих ночных работ мне не встречался никто, кого бы стоило бояться. Вплоть до сегодняшнего дня. Сегодня же вдруг идет кто-то, белый и залитый белым светом, и смотрит прямо перед собой. Глаза у него стеклянные... Все это я увидел в последний момент, ибо стоял глубоко в могиле. Этот *кто-то* прошел мимо ямы, на расстоянии пяди от края. Я пригнулся. Опасаясь уж не знаю чего, но, во всяком случае, наихудшего... Едва этот *кто-то* проходит мимо, разум мой концентрируется. Глаза снова видят, что им и следовало увидеть, и я наконец отдаю себе отчет в том, что успел разглядеть, несмотря на свое замешательство. Этого *кого-то* я, оказывается, знаю. Это мой племянник Томас, в ночной рубашке.

**Томас.** Как, простите? Я, по-вашему, и был этим *кем-то*? Который шел мимо разверстой могилы? С остекленевшим взглядом?

**Филлипс.** Я тогда вылезая из ямы. Он же невозмутимо шагает через могилы и исчезает

в соборе. Я решаю, что подожду, пока он оттуда выйдет. На душе у меня тяжело. Может, потому что я не вполне уверен, что это он.

**Томас.** Это не был я.

**Филлипс.** В любом случае, мне не хотелось следовать за ним в темноте. Церковные своды, когда они слышат шаги, откликаются – сами начинают говорить. Ночью ничего приятного в этом нет. Я должен подождать, сказал я себе. Охота работать у меня пропала. И возникло чувство антипатии к умершим – своего рода отчуждение. Итак, я рассматривал Святую Марию Редклиффскую в лунном свете, а она была тихой, и большой, и каменной... действовала, если хотите, успокаивающе. Я смотрел вверх, на башню, и не видел ничего примечательного. Само собой. Но потом вдруг волосы мои повлажнели от пота, и нательная рубашка – тоже. Высоко вверху, на колокольне, этот *кто-то* выбрался из окна на карниз... Стоял там, ни за что не держась, весь белый, и смотрел на Бристоль, как может смотреть сверху на спящий город воплощенное Зло.

**Уильям.** Это был Томас.

**Филлипс.** Именно. Насмотревшись вволю, он снова спустился вниз. И направился в мою сторону. Я это выдержал; только отступил на несколько шагов. Я его точно узнал. И пошел за ним. Видел, как он вскарабкался сюда по стене дома. Теперь он снова здесь... Хорошего вам сна. Я немного вспотел. Но это забудется.

*(Уходит.)*

**Уильям.** Том – ты точно был наверху башни. Можешь не сомневаться.

64 **Томас.** Вероятно. Но сам я этого не помню. Между прочим, вчера я заставил Томаса Роули написать, что в Бристоле разразилась чума. Священники в церковных облачениях и мальчишки-певчие ходят по улицам, воскуряют благовония и разбрызгивают святую воду. Многие мальчишки от страха обмочили штаны. Возы с трупами громахают по городу. Преступников из работных домов принуждают выполнять обязанности могильщиков. Кто хочет убивать ради удовольствия, повсюду находит удобных жертв – осиротевших детей. Умерших кидают на телеги, словно мешки, и закапывают как попало, *sine solemnitare*. За одну ночь умирает больше тысячи человек. А высоко на башне стоит кто-то, смотрит вниз... и смеется.

**Уильям.** Я боюсь этого монаха Роули.

**Томас.** Значит, ты боишься меня.

**Уильямс.** Нет, Томас. Я вижу, как ты сочинишь стихи. Мне это чуждо. Меня с тобой нельзя сравнивать. Но я тебе *предан*, с тех пор как мы делили на двоих постель в Колстоне. Я знаю: Кэри, который спал с тобой до меня, нравится тебе больше. Он умнее. Ты говоришь, что он – твое второе «я».

**Томас.** Поэтому он и не может нравиться мне больше, чем ты. Он – часть меня самого. Но ум у него острее.

**Уильям.** Я буду молчать обо всем, как будто не знаю того, что в действительности о тебе узнал.



**Томас.** С тобой приятно иметь дело, Уильям. Ты помогаешь мне в моем восхождении. Тебе в голову пришла счастливая мысль: заговорить с мистером Кэткотом в Рэдклиффской церкви и спросить, слышал ли он уже, что я в этой самой церкви обнаружил старые пергаменты. Я подстриг себе волосы в цирюльне и через несколько дней принес ему тридцать строк из «Битвы при Гастингсе»: «Где много лет стоял разрушенный храм Тора...»; а также отрывочные стансы из «Бристоуской трагедии», «Эпитафию Роберту Кэнингу», «Песню Аэлле» и «Желтый свиток». У него не нашлось более спешных дел, чем обсудить все это с Уильямом Барреттом, которому он в итоге и отдал рукописи, дабы тот использовал их в своем историческом сочинении.

**Уильям.** Ты хоть получил за это деньги?

**Томас.** Да, мои труды оплатили, дав мне несколько крон за два пергамента, которые я предварительно прокалил на огне и исписал пожелтевшими чернилами.

**Уильям.** Не понимаю, к чему все это.

**Томас.** Порой меня переполняют... фантазии. Грезы... Материальные массы всех царств теснят меня... и тогда я пускаюсь в странствие, скачу на красивых конях сквозь сверкающие или черные пространства, претерпеваю пытки, сам совершаю жестокости... Из-за какой-нибудь пылкой потребности у меня едва не лопается голова. Иногда одно-единственное слово буйно разрастается во мне, как сорняк. Я не могу не записать его, а оно тотчас нагружает меня печалью или тяже-

стью – жизнью. Мне уже доводилось странствовать по очень многим древним мостам, и подо мной катились болотные темные воды... Когда я стою в одиночестве посреди одного из гигантских вымышленных миров, очень утешительно знать, что ты со мной рядом. Ты пребываешь не там, где я, ты *не переполнен и не стеснен*; твоя доброта не требует никакого пространства. Ты дышишь спокойно; ты очень здоровый и скромный... и милый.

**Уильям.** Питер утешает тебя так же?

**Томас.** По-другому. Он хоть и похож на тебя, но другой. Он светловолосый, ты – темный.

*(Поспешно обнимает Уильяма и соскакивает с кровати.)*

**Уильям.** Томас – ты простудишься.

**Томас.** Я должен писать. А ты спи. Между прочим, он через три дня останется у меня на ночь. Мы так договорились. Тебя я в тот вечер не жду. Запомни: ты в тот день не придешь. *(Уильям не отвечает. Томас берет свечу, зажигает ею две другие, которые стоят на столе, и относит первую свечу обратно.)* Вот номер «Бристольской газеты» от 1 октября, где Феликс Фарли опубликовал текст одного документа трехсотлетней давности – об освящении Эйвонского моста.

**Уильям.** Во всем городе только и говорят, что об этом.

**Томас.** Так вот, эту рукопись создал не кто иной как я –

**Уильям.** Я догадывался... Больше того: знал наверняка.

**Томас.** Ты молчишь или лжешь... как моя собственная душа. (*Отворачивается.*) Но мне нужно продвинуться вперед с «бумагами Роули».

**Уильям.** Зачем ты взял в нашу комнату эту отвратительную Матильду?

67

**Томас.** Она девица. Я иногда думаю о девушках. Но у нее, увы, голова не такая красивая, как у тебя.

**Уильям.** Она внушает страх: мертвая и живая одновременно.

**Томас.** Это в порядке вещей: *метасоматоз*<sup>12</sup>. Когда дух меняет одно тело на другое.

**Уильям.** Не понимаю.

**Томас.** Вторая или третья реальность. Разве ты не сумел бы стать, скажем, девушкой – в мыслях? Если бы накинул на себя одежду, которая согласовывалась бы с такой фантазией?

**Уильям.** У меня не бывает подобных фантазий. Я в них не нуждаюсь.

---

<sup>12</sup> В буквальном переводе что-то вроде: «замещение (тела)» (*древнегреч.*). В новейшее время в геологии этот термин употребляется для обозначения процесса замещения одних минералов другими с существенными изменениями химического состава горной породы, но с сохранением ее объема и твердого состояния при воздействии растворов высокой химической активности.

**Томас** (*от стола, к которому он уже сел*). Ты не спрятан в себе: ты одинаков внутри и снаружи. Это и делает тебя неотразимым. Я с незапамятных пор поддерживаю только одну, отмеченную уродством, дружбу с самим собой. Но... *sine te nihil*<sup>13</sup>. Без меня не будет никакого Бристоля и, значит, не будет Уильяма и Питера. А теперь спи! Я бы хотел, чтобы мне больше не мешали.

(*Уильям гасит свечу возле кровати.*)

68

СПУСТЯ ТРИ ДНЯ.

ТАМ ЖЕ

*Вечер. Луна еще не взошла. Томас Чаттертон и Питер Смит входят, двигаясь ощупью. Томас, найдя огниво, зажигает свет.*

**Томас Чаттертон.** Нынче вечером удовольствие будет ополовинено.

**Питер Смит.** А что, мисс Сингер не придет?

**Томас.** Не в том дело. Я полагаю, Элизабет надежна; до сих пор, по крайней мере, на нее можно было положиться. Нет, просто я попался в западню. И должен целую ночь работать. Ты можешь разделить все лакомства на двоих. И, само собой, себе взять двойную долю.

**Питер.** Почему ты не хочешь быть с нами?

---

<sup>13</sup> Отсылка к фразе из Евангелия от Иоанна (15:5; в латинском переводе): *Sine Me nihil potestis facere*, «Без Меня не можете делать ничего».

**Томас.** Я буду сидеть здесь, за столом. Мы повесим занавеску, чтобы присутствие одетого человека вас не смущало.

**Питер.** Тебе такое не по вкусу?

**Томас.** О том же я мог бы спросить тебя. Думаю, мы оба теперь достаточно взрослые, чтобы понимать толк в прекраснейших изобретениях нашего брэнного мира.

69

**Питер.** Тогда что тебе мешает?

**Томас.** Вчера я опять видел дурака Кэткота и врача Барретта, который пишет историю Бристоля. Я им принес полный текст «Бристоуской трагедии» и стихи, посвященные Иоанну Лэмингтону. Оба, кажется, усомнились в подлинности этих вещиц, я хочу сказать – в том, что вещи эти вышли из-под пера старого Роули. Обоим показалось, что стихи на удивление чистые, правильные по размеру... и что разбросанные в них красивые сравнения слишком поэтичны. Я в ответ заявил, что Роули более великий поэт, чем Чосер. Но под конец признался, что все это моя работа. Однако Барретт, в свою очередь, признание отклонил. Дескать, я на такое не способен; с тем же успехом *он сам* мог бы претендовать на авторство. Я было растерялся, но сумел взять себя в руки. Я лишь *слегка дополнил* тексты, сказал я, – в тех местах, где пергаменты стали нечитаемыми. Оба тут же захотели взглянуть на оригиналы. Я нашел какой-то предлог, чтобы оттянуть время. Но Барретт побежал к моей матушке и принялся ее выспрашивать. Она пуглива. Кроме того, почитает этого Барретта (которому удалось несколько поправить ее здо-

ровье) чуть ли не как неземное существо. Тем не менее, матушка держалась молодцом. Объяснила, что мой отец в свое время украл пергаменты из архива церкви Марии Рэдклиффской, кое-что потом уничтожил, ну и так далее. Она помогла мне выпутаться из затруднительного положения, это точно. Однако теперь наш акушер настойчивее, чем когда-либо прежде, требует пергаменты. Я обещал ему принести кое-что уже завтра.

**Питер.** Но ведь тебе нужно только достать документы из сундука...

**Томас.** Ты говоришь, подыгрывая своим желаниям. Ты единственный, с кем я полностью откровенен. Уильям – просто мое утешение. Ты-то наверняка знаешь, что я и есть Роули. Тогда как для твоего брата все это – враки, плод разгоряченной фантазии... В сундуке сейчас нет ничего, что я мог бы предложить этим двум господам, одержимым собиранием древностей. Они хотят увидеть пожелтевшую рукопись поэта и определенные стихи – те, что родились в моей голове.

**Питер.** Боюсь, ты слишком углубился в заросли. Бывают колючки, которые не только ранят, но и мешают двигаться дальше.

**Томас.** Нужно быть *отщепенцем* – настолько, чтобы в любой час, если он под завязку наполнится неприятностями, суметь выстрелить себе в рот.

**Питер.** Возможно, мы оба *настолько* свободны... и одиноки... и исполнены решимости.

**Томас.** Ты мог бы достать мне пистолет.

**Питер.** Ты получишь мой, как только я куплю еще один.

**Томас.** Я напомним, если забудешь.

**Питер.** Уже в ближайшие дни я тебе его принесу.

**Томас.** Хорошо бы еще и яд иметь при себе; или хотя бы опиум.

*(Слышно, как бьют часы на башне.)*

**Питер.** Святая Мария Рэдклиффская отбивает девятый час.

**Томас.** Я спущусь вниз: посмотреть, стала ли тьма непроницаемой. Миссис Эскинс не должна заметить, что мисс Сингер поднимается к нам. Прочие соседи по дому принимают эту мансарду за часть *царства духов*, которая не лишена жути. Может, их представление не так уж ошибочно: здесь мы пребываем за пределами обычного мира, подчиняющегося низшему разуму.

**Питер.** Томас, я хотел бы, чтобы ты отослал Элизабет –

**Томас.** Почему?

**Питер.** Развлекаться с ней одному... если ты воздерживаешься... Мы, Том, слишком друг к другу привязаны – ты и я... Мы с нашими чувствами ориентированы друг на друга. А это сомнительное удовольствие... Нам с тобой нужно подмешать

к нему что-то... добиться его возгонки... посредством чего-то странного, путаного. Мы ведь не любим мисс Сингер. А лишь подчиняемся некоей властной потребности –

72

**Томас.** Что запрещает тебе думать тем временем обо мне? В пространстве внутренних представлений нет ничего запретного. Закрой глаза, и перед тобой раскинется просторная Природа, великий ландшафт Познаваемого-в-ощущениях. Наша религия – это уверенность в том, что мы держим оборону против всего мира. Я сотворен из глины и бедности. К бедности часто навевается в гости поэтическое искусство. Нет таких пороков, в которых не обвиняли бы бедняков. А расплачиваются бедняки той же монетой, что и все остальные, – собственной смертью. Ты соскользнул вниз, ко мне, – после того как дом на Кристимас-стрит отринул тебя. Мы хотим для себя по меньшей мере *отщепенчества*. Хотим быть – *противниками*. Мы – пример для других, начинающих с меньшим мужеством. Мы основали общество «барабанщиков» и в арендованной задней комнате одной корчмы построили для бедняков, которые прикованы к своим хозяевам-«наставникам», воображаемый храм: *святилище несовершеннолетних*. Здесь они играют роли, придуманные поэтами для сцены: королей, полководцев, мошенников, знаменитых влюбленных, *князей духа*, исследователей звездного моря. Здесь же – выплескивают полной мерой собственные свободнорожденные чувства: проклиная изобретателей сервитута и договорного рабства, поносят своих эксплуататоров. Ученик, который обычно дрожит, услышав повелительный голос учителя, здесь сбрасывает пугливость вместе с рабочим фартуком и превращается в более при-



влекательное существо. Кузнец, портной, молотильщик, мальчик из бельевой лавки, плетельщик корзин, цирюльник, подручный пивовара, резчик по дереву, мясник, посыльный купца, каменщик с грязными руками и лицом: среди них нет ни одного малодушного, который не был бы готов на преступление ради возможности подняться по социальной лестнице, получить право свободно дышать и выиграть жизнь – свою собственную, свою *неоскверненную собственность*. Здесь им встречаются девушки (может, единственные дочери и наследницы какого-нибудь уважаемого сапожника), которые вдыхают чудо плоти, отваживаются довериться своей – обычно подавляемой – телесности. И все же внутренний страх не отступает от молодых людей: поставленные над ними опекуны, доведись им узнать об этом прибежище свободы, поднимут в своем цеховом союзе тревогу, и тогда какой-нибудь фельдфебель – с заниженными представлениями о справедливости – вломится в священную обитель и доставит беззащитных юнцов в исправительное заведение. Каково положение вещей! Какая трещина в мироздании!.. Мы с тобой, Питер, не вправе бояться. Я сейчас спущусь вниз, чтобы встретить Элизабет. А ты пока повесь занавеску на крючки, которые я заранее вбил.

*(Он выходит. Питер Смит некоторое время стоит в задумчивости. Потом принимается развешивать перед кроватью занавеску.)*

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ,  
14 АВГУСТА 1769 ГОДА.  
ТАМ ЖЕ

74

**Томас** (*сидит за столом и дописывает последние строки элегии, посвященной мистеру Уильяму Смиту: «Поднимись, моя Муза, на траурных крыльях печали...» Вдруг он вскакивает, начинает беспокойно ходить по комнате*).

**Сара Чаттертон** (*боязливо заглядывает в мансарду*). Достоверно известно, Томас, что юный господин Уильям Смит будет похоронен сегодня ночью. Как и где, никто не знает. Я расспрашивала миссис Эскинс: ясно лишь, что он совершил самоубийство.

**Томас**. Неужели собственный брат потащит его в анатомичку, расчленит, выпотрошит? И мерцающая плоть, серебристое дыхание кожи станут добычей ножа? Или – Уильяма заруют на каком-нибудь перекрестке? Я хочу знать. Я должен это знать.

**Сара**. Томас – я не вправе скрыть от тебя, что его добровольный уход из жизни объясняют дружбой с тобой. Вас обвиняют... Я даже не знаю, в чем.

**Томас**. Они загнали Уильяма в смерть. Я хочу знать, что станет с его трупом!

**Сара**. Миссис Эскинс ничего разузнать не сумела. Посторонних в дом пивовара не пускают. Викарий Темпл-черч... из него слова не вытянешь,

как если бы он сам был могилой; его, между прочим, зовут Александр Кэткот: он брат нашего оловянщика.

**Томас.** Отправь кого-нибудь к дяде Ричарду. Пусть он поспрашивает братьев по гильдии могильщиков.

**Сара.** Я передам ему твою просьбу. Он готов сделать для тебя многое: даже больше, наверное, чем ты, Томас, ожидаешь. Но не ухудшай и без того скверную ситуацию – умерь свою печаль. Я глубоко испугана и утратила мужество. Ибо отчетливо понимаю, что тебе тоже грозят черные звезды.

75

**Томас.** Все-таки поторопись!

**Сара.** Уже иду.  
(Уходит.)

**Томас** (берет пистолет). Должен ли я последовать за ним? Прямо сейчас? Выстрелив себе в рот? Будет ли боль короткой или длинной? Может, прежде проглотить опиум, чтобы смягчить ужасный момент?

Но прежде я хочу увидеть его.

(Дверь открывается, и входит Уильям Смит.)

**Уильям.** Томас – Томас –

**Томас** (поднимает глаза, пугается, отстраняюще взмахивает руками). Нет – не так!

**Уильям.** Это я. Я по-прежнему держусь за тебя. Не отвернулся...

**Томас** (*смахивает со лба пот, выступивший от страха*). Уильям... это ты? Из какого ты вещества? Люди рассказывают, что ты мертв... застрелил себя... через рот... Или ты прибегнул к яду? (*В полной растерянности садится на стул возле стола, поднимает пистолет.*) Я как раз хотел за тобой последовать... во влажное Ничто.

76 **Уильям**. Это был мой брат, Питер Смит. Это Питер покинул нас. Сунул пистолет себе в глотку и нажал на спусковой крючок.

**Томас** (*будто вдруг преисполнившись равнодушия*). Я только что закончил посвященную тебе элегию. Теперь она будет для Питера. Я должен прямо сейчас сделать пояснительную приписку. (*Пишет.*) «По счастью, вышло недоразумение: как мне стало известно из первых рук, погиб Питер».

**Уильям**. Он менее дорог тебе, чем я?

**Томас**. Нет.

**Уильям**. Почему тогда ты пишешь: «По счастью...»?

**Томас**. *По счастью*, ты не привидение. *По счастью*, ты остаешься со мной. Кроме того: мои мысли неизбежно должны теперь перестроиться. Где прежде была свинцовая тоска, там теперь радость. Однако в другом месте моего мозга, также проникнутом любовью, образовалась внезапная пустота. Как если бы я рассматривал красивый пластический образ – я действительно созерцаю его в себе – человеческую грудь, на которую мог бы преклонить свою непутевую голову – и вне-

запно половина этой груди оказалась бы вырезанной – и мои дрожащие губы соприкоснулись бы с ошметками обнаженных мышц... Забудь: это сравнение – думаю, слишком туманное – все равно ничего не выразит.

**Уильям.** Я хочу остаться твоим другом.

**Томас.** Стихи принадлежат ему – по такому же праву, по какому могли бы принадлежать тебе.

77

**Уильям** (*подойдя к Томасу сзади, обнимает его*). Ты не можешь плакать. Или слезы уже пролились? Чем мне тебя утешить?

**Томас.** Расскажи, как все произошло. Я должен узнать *это*; только потом шлюзы моих чувств откроются.

**Уильям.** Между Питером и нашим отцом вспыхнула ссора. Отец упрекал брата в изменении образа жизни, в дружбе с тобой; дескать, вы занимаетесь всяким непотребством, промискуитетом самого отвратного свойства...

**Томас.** Откуда он может знать –

**Уильям.** Девушка, мисс Сингер, явившись к отцу, заявила: она, дескать, находится в интересном положении и непременно должна выйти замуж. Оказалось, она сама не знает, кто ввергнул ее в такую беду: то ли ты, то ли Питер. В любом случае, вы трое все делали сообща. Она решила предпочесть сына пивовара начинающему писцу.

**Томас.** Она знает: ученик Колстонской школы не имеет права жениться.

**Уильям.** Отец прогнал ее. А после жестко поговорил с Питером, потребовал, чтобы тот порвал отношения с тобой: ты, дескать, – негодяй, сводник, воплощение низости.

**Томас.** Он набросал мой *теневого портрет*.

78

**Уильям.** Питер ему не ответил. Он просто прошел в свою комнату, заперся и застрелился.

**Томас.** Кто-то услышал выстрел?

**Уильям.** Никто не услышал.

**Томас.** Питер умер сразу?

**Уильям.** Неизвестно. Его нашли лежащим у порога. Он, очевидно, еще успел добраться туда, хотел открыть дверь.

**Томас.** Что происходило после того, как его нашли?

**Уильям.** Отец поднял мертвого, положил изуродованную окровавленную голову себе на колени, поцеловал покрытые запекшейся кровью губы. Мы поняли, что он очень любил Питера.

**Томас.** Любил?.. Он его уничтожил.

**Уильям.** Я думаю, причиной всему была гордость Питера.

**Томас.** Наше совместное *отщепенчество* – наше яростное своеволие!

**Уильям.** Брат Ричард, между тем, привел своего учителя – хирурга Джона Таунсенда. Отец поговорил с врачом. Потом они оба обсудили это дело с викарием Темпл-черч. Питера похоронят в *крипте под хором церкви*.

**Томас.** Возможно ли? Самоубийцу?

79

**Уильям.** Без торжественных обрядов, но с такой вот чрезвычайной привилегией.

**Томас.** Я хочу его видеть!

**Уильям.** Его голова... Ты вряд ли его узнаешь.

**Томас.** Я узнаю тело. Как он одет?

**Уильям.** Отец завернул его в саван. Гроб из дубовой древесины будет иметь свинцовый вкладыш, а сверху его запаяют. Ты больше не дотронешься до Питера.

**Томас.** Я хочу попасть в эту крипту –

**Уильям** (*с внезапной решимостью*). Дай пистолет!

**Томас.** Он мне его подарил.

**Уильям.** Я сохраню его для тебя.

**Томас** (без колебаний протягивает ему оружие). Почему ты пришел сюда, если Питеру общаться со мной запретили?

**Уильям**. Отец не хотел накликать второе самоубийство.

**Томас**. С тобой, значит, дело обстоит так?

80

**Уильям**. Сам не знаю, на что я способен. Я только решил, что остаюсь твоим другом. Это я и сказал отцу. Он с удивлением взглянул на меня; лицо его вздрогнуло; наконец он сказал: «Ничего больше не могу...»

**Томас**. Он не понимает возвышенного величия твоей незлобивой души.

**Уильям**. Под конец и Ричард призвал меня к ответу. У него внезапно появилось много идей. Мол, общество «барабанщиков» нужно распустить – хотя бы для того, чтобы не подвергать его членов опасности. Потом, лично ему осточертела перевозбужденная деятельность незрелых юнцов: неправильно понятая актерская игра, бессмысленные мишурные наряды. Поцелуи на сцене – всего лишь шатких подмостках – имеют привкус похоти, искусство же они убивают фальшивым пафосом. Он может лишь пожалеть, что иногда тайком приводил тебя в анатомический институт Джона Таунсенда: ты, по его словам, испытывал интерес лишь к атрибутам мясницкого ремесла – грубой картине человеческих мышц и органов, – тогда как высшие познания от тебя ускользали.



**Томас.** Ричард Смит, видно, уже ощущает себя зрелым мужем? Он, значит, и впредь, желая со временем стать великим врачом, будет отпиливать верх черепной коробки сотням умерших бедняков – чтобы заглянуть им в мозг. Однако о мыслях, которые мыслятся внутри черепа, он ничего не узнает; больше того – поостережется что-то узнать. Ведь бедности по вкусу *бунтарство*.

**Ричард Филлипс** (*входит*). Юный Уильям Смит здесь? Тогда ты, Томас, наверняка знаешь больше, чем гильдия могильщиков. Значит, это и есть третий брат, улизнувший из дому, – собственной персоной. Однако не будем об этом... Добрый день, юный господин Смит! А тот, скончавшийся, обретет вечный покой в крипте под хором (как ни удивительно), – вместе с другими достопочтенными покойниками.

81

**Томас.** Я хочу спуститься к нему в склеп.

**Филлипс.** Что ты сказал?

**Томас.** Когда его отнесут вниз, я хочу спуститься к нему.

**Филлипс.** Над спуском тотчас опять водрузят тяжелую плиту.

**Томас.** Но это ведь будут делать подмастерья, которых ты знаешь?

**Филлипс.** Конечно, мы знаем друг друга.

**Томас.** Так дай им чаевые. Скажи, чтобы они спустили меня вниз и повременили с работой, пока я не выберусь на поверхность.

**Филлипс.** Необычная просьба. Впрочем, это можно устроить. Только учти, что дело будет происходить ночью. Место, само по себе, довольно жуткое. Кругом запыленные гробы. Я бы тебе не советовал...

**Томас.** Если хочешь мне добра, помоги.

82 **Филлипс.** Ты, надеюсь, не станешь разыгрывать в склепе историю Ромео и Джульетты?

**Уильям** (*показывает пистолет*). Оружие я у него забрал.

**Томас.** Я хотел бы выплакаться – вот и все содержание моей пьесы.

**Филлипс.** Тогда предлагаю, чтоб мы обговорили детали, пока еще светло.  
(*Все трое уходят.*)

## ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

83

ЗИМА 1769/70

БРИСТОЛЬ, КОРН-СТРИТ

*Канцелярия и регистратура адвоката Ламберта.*

*Джон Ламберт, Уильям Смит, Томас Чаттертон; последний оттеснен к книжным полкам. Ламберт – за пюпитром своего ученика.*

**Джон Ламберт.** Ничего я не понимаю, ничего – ничего из того, что будто бы входит в твои намерения. Ты вытворяешь такое, за что не сможешь ответить ни на земле, ни на небесах. Не воображай, будто ты обладаешь повышенной ценностью – только потому, что умеешь штамповать стишки и, не испытывая головокружения, взбираться на башни, как про тебя рассказывают. Ты всего лишь непоседливый, упрямый, неприятный тип – в лучшем случае душевнобольной. Репутация твоя на удивление плохая: обвинить тебя в распутстве – значит сказать слишком мало. Ты лгун и вор, и это истинная правда. Ты вырезал из фолиантов отдельные пергаментные листы.

**Томас.** Я просто читал эти книги – с вашего разрешения, сэръ.

**Ламберт.** Два фолианта пропали. Приходская книга и «Книга мастера каменного дела»<sup>14</sup> из церкви Святого Иоанна.

**Томас.** Они не хранились в регистратуре. И не числятся в каталоге. Попали сюда случайно – их кто-то, должно быть, взял по библиотечному абонементу.

84

**Ламберт.** Не спорь! Случилось нечто противозаконное. В доме твоей матушки следовало бы устроить обыск.

**Уильям Смит.** Не возгоняйте свой гнев, сэр... И поостерегитесь давать волю рукам: это может испортить вам сон в ближайшую ночь.

**Ламберт** (*отходит на шаг, говорит теперь спокойно*). Эти церковные книги – макулатура, потому они и не зарегистрированы. Их пропажа – дело второстепенное, по сравнению с остальным. Томас, чтобы доставить мне неприятности, пригрозил, что лишит себя жизни.

**Уильям.** Пригрозил? Как это?

**Ламберт.** Он объявил об этом в письме.

---

<sup>14</sup> «Книги мастеров каменного дела» (*Stein- und Werkmeisterbücher*) возникли в Германии XV – начала XVI веков и были первыми руководствами по архитектуре, по строительству готических соборов. В соответствии с одним из таких руководств была построена, например, церковь Святого Иоанна Крестителя в Оттерсвайере (Южная Германия). Всего до нашего времени дошли три такие рукописные книги.

**Уильям.** И письмо было адресовано вам?

**Ламберт.** Нет, я нашел его на своем пюпитре, в своей конторе: видимо, его оставили там намеренно; предназначалось оно некоему Михаэлю Клэйфилду, которого я не знаю, – но запечатано не было.

**Томас.** Это торговец табачными изделиями на Кастл-стрит.

85

**Уильям.** Так вы прочитали письмо?

**Ламберт.** Хуже: я обнаружил на пюпитре этого безумца начало открытого завещания: «Последняя воля Чаттертона, записанная в крайнем унынии в канун его добровольного ухода из жизни».

**Томас.** Однако, сэръ, я пока что жив – если, конечно, пребывание здесь можно назвать жизнью.

*(Ламберт нетерпеливо направляется к двери, открывает ее. Принимает входящих в комнату Уильяма Барретта, Джорджа Кэткота, Генри Бергема. Уильям Смит берет адресованное Клэйфилду письмо, которое все еще лежало на пюпитре.)*

**Джордж Кэткот.** Мы припришли все вместе.

**Ламберт.** Приветствую, господа, вас всех.

**Генри Бергем.** Смотрите-ка – Томас и Уильям, почти неразлучные.

**Кэткот.** Единодушие двух *неравноценных*.

**Барретт.** Томас – до меня дошло печальное известие.

**Ламберт.** Ужасно... непостижимо... Я попросил господ пожаловать ко мне...

86 **Бергем.** Мы все обсудим и найдем решение.

**Барретт.** Ты действительно хотел самовольно расстаться с жизнью?

**Томас.** Да.

**Уильям.** Нет.

**Томас.** Хотел.

**Уильям.** Нет. В письме, прочитанном мистером Ламбертом – вот оно, – в самом низу имеется приписка, выполненная крошечными буквами, зеркальным шрифтом, который я научился разбирать благодаря Тому: «Меня еще можно спасти».

**Ламберт** (*берет письмо, пытается читать*). Слишком утомительно для моих слабых глаз...

**Барретт** (*берет у него письмо*). Видно, болезнь под названием «усталость от жизни» оказалась не смертельно опасной.

**Бергем.** Мы собрались вокруг выздоравливающего, чтобы вдохнуть в него мужество. Мне, как только посыльный доставил письмо мистера

Ламберта, пришла в голову мысль прихватить с собой две бутылки портвейна – в качестве веселящего снадобья.

**Кэткот.** Неплохая идея.

**Ламберт.** Господа согласны с такой повесткой дня – с тем, хочу я сказать, что мы, прежде чем приступить к прениям, разопьем портвейн?

87

**Бергем.** Что тут возразишь?

**Ламберт.** Так я принесу бокалы.  
(*Поспешно выходит в правую дверь.*)

**Томас** (*вдруг начинает судорожно всхлипывать*). Я больше не могу. Я слишком горд – а вовсе не сломлен, – чтобы продолжать жить по-прежнему. *Девятнадцать двадцатых* моего естества составляет гордость<sup>15</sup>. Я готов приложить усилия, чтобы стать смиренным; но в любом случае не сумею добиться этого здесь, в Бристоле. Этот город мне опротивел. Не одно лишь тщеславие делает меня строптивым: мои впечатления охватывают слишком обширную область, чтобы я мог стать расчетливым мелочным торговцем собственными прегрешениями. Здесь я живу как раб; ранняя смерть представляется мне более завидным жребием<sup>16</sup>.

---

15 Эта и следующая фраза дословно заимствованы из письма Томаса Чаттертона Барретту, написанному на следующий день после обнаружения завещания.

16 Слегка измененная фраза из письма Томаса Чаттертона Барретту.

**Барретт.** *(холодно)*. Ты должен нам кое-что объяснить, мой мальчик. Нельзя просто сбросить собственную жизнь под ноги друзьям, не раз тебе помогавшим, – как бросают под ноги ростовщику просроченное залоговое свидетельство... Ты переутомился. Изыскания касательно Роули, расшифровка трудных, почти нечитаемых текстов – для человека твоего возраста это непосильная задача. То, что нас в тебе восхищает, подтачивает твоё здоровье. В твоих последних стихах слишком часто встречается слово «безрадостно»: «Безрадостно ищу в тени уединенья»...

**Томас.** Это я написал за несколько вечеров до своего семнадцатилетия. Я вспомнил тогда о Питере Смите, о Томасе Филлипсе. Мои друзья, истлевая, отдаляются от меня. Я хотел бы тоже стать прахом, как они.

**Бергем.** Мы свернули на ложный путь. Не внушай ему мысль, Барретт, что он должен отказаться от своих – заслуживающих всяческого одобрения – увлечений.

**Уильям.** Томаса только что обвинили в том, что он вор.

**Кэткот.** Ктоктокто его обвинил?

**Уильям.** Господин адвокат Ламберт.

**Барретт.** Пожалуйста, поподробнее.

**Уильям.** Здесь будто бы пропали две книги.



**Томас.** Книги, никогда не принадлежавшие мистеру Ламберту! Они не упомянуты в его каталоге.

**Бергем.** Какую стоимость они имели?

**Уильям.** Стоимость старой бумаги – и только.

**Томас.** Это были церковные счета, инвентарные описи, записи о новых распоряжениях, завещания, давно утратившие силу, и данные о надгробиях. Ни одной строки, которая имела бы литературную ценность.

89

**Барретт.** Все же подозреваю, что там была золотиносная жила для заинтересованного историка.

**Томас.** Ничего особенного. Только два любопытных указания, которые я переписал и передал вам, сэр.

**Барретт.** Передал мне?

**Томас.** Вместе с другими документами. Я предоставил вам выписки из протоколов семнадцати церковных епархий – как источники для вашей «Истории города Бристоля».

**Барретт** (*озадаченно замолкает; потом, как бы против воли, говорит*). Ты – молодой человек с весьма необычными способностями, но с плохими задатками: сумасбродный и плохо приспособленный к жизни...

**Бергем** (*перебивает его*). Я заплачу мистеру Ламберту за пропавшие книги – по пять шиллингов за каждую.

**Барретт** (*с нарастающим раздражением*). Вы думаете, возмещение денежной стоимости в данном случае что-то исправит?

**Бергем**. Деньги это мера всех вещей.

90

**Барретт**. От смерти они не помогут; и от бездетного брака – тоже.

**Бергем**. Последний намек оставьте при себе: у меня шестеро подрастающих сыновей.

*(Ламберт входит, держа поднос с бокалами; Бергем откупоривает две бутылки, разливает вино.)*

**Бергем**. Между прочим, господин адвокат, наша маленькая коллегия уже разобралась с вопросом о пропаже двух книг – надеюсь, к вашему удовлетворению. Мы возместим вам денежный ущерб, каким бы образом он ни возник. Мне поручили передать вам пол-гинеи. Так были оценены книги.

**Ламберт**. Весьма любезно с вашей стороны. Что тут возразишь?

**Бергем** (*берет бокал*). Ваше здоровье, сэр!  
*(Остальные тоже берут бокалы, последними – Томас Чаттертон и Уильям Смит.)*

**Барретт** (*Томасу Чаттертону*). Выпьем... чтобы ты стал более покладистым и надежным.

*(Дверь открывается; входит Ричард Филлипс.)*

**Уильям.** Твой дядя –

**Томас.** Он не обратит свой ум против нас.

**Ричард Филлипс.** Так меня пригласили на вечеринку? Даже не верится. Приветствую честную компанию. Кто здесь хозяин?

91

**Ламберт.** Вы спрашиваете обо мне, Филлипс.

**Филлипс.** Господин адвокат, письмо, которое вы послали матери моего племянника, она передала мне, дабы я выступил здесь от ее имени –

**Ламберт.** Что ж, прекрасно... Мы готовы вас выслушать –

**Филлипс.** Она испугана, поскольку самоубийству нельзя дать обратный ход; я сам в этом время от времени убеждаюсь.

**Кэткот.** Момомогильщик Марии Рэдклиффской – не нравится мне это. Плоплоплохой знак.

**Барретт.** Он – дядя Томаса.

**Кэткот.** Ходят слухи, будто у него есть золотой слиток, сплавленный изиз колец, снятых с пальцев мертвецов...

**Томас.** Возьмите мой бокал, дядя Ричард –

**Филлипс.** Очень любезно... Как бы то ни было, ты жив. Что твои губы не утратили способность говорить – в данный момент лучшее их качество.

*(Берет бокал и залпом осушает его.)*

**Бергем** *(снова наполняет бокалы)*. Еще по глотку... Нас прервали.

92

**Ламберт** *(обращаясь, главным образом, к Барретту)*. Не могу сказать наверняка, но мои старейшие фолианты (по приблизительным подсчетам, не меньше дюжины) изуродованы.

**Барретт.** Изуродованы? Что вы имеете в виду?

**Ламберт.** Из них вырезаны листы, очень тщательно... И я подозреваю, что самые ценные: иллюминированные пергаменты.

**Бергем.** Такие сокровища вы храните в регистратуре?

**Барретт.** Я постоянно ищу источники для своей истории Бристоля... И, возможно, найду здесь золотоносную жилу.

**Ламберт.** Томас держал эти фолианты в руках. Даже брал их домой –

**Томас.** С вашего разрешения, сэръ.

**Филлипс.** Слушай и помалкивай, мальчик. Дай сперва другим вволю побрызгать слюной.

**Ламберт.** Случайно обнаружив повреждение, я призвал писца к ответу.

**Томас.** Я же не негодяй...

**Барретт** (*тихо*). Томас, мне кажется, тебе следовало бы... ради твоей же пользы... признать справедливость упреков. Что останется непроясненным, будет оценено как ущерб, который мы адвокату возместим. Угроза самоубийства – плохой способ защиты.

93

**Томас.** Не в том дело. Я здесь погрязаю в не-свободе и скуке... И интуиция мне отказывает.

**Барретт.** Не путай состояние, обусловленное твоим возрастом, с местом, где ты работаешь.

**Бергем.** Когда, сэра – не считая сегодняшнего дня – вы последний раз держали в руках эти фолианты?

**Ламберт.** Лет двадцать назад, наверное –

**Бергем.** Ваша память могла с тех пор ослабнуть.

**Ламберт.** Так только кажется. Томас признался, что знает содержание пропавших листов. Он будто бы и мистеру Барретту письменно его изложил.

**Барретт.** Я так и не понял, зачем это мне –

**Томас.** Только в двух случаях –

**Кэткот.** Пополовинчатое признание, как правило, равносильно полполному.

**Уильям.** У правды иное лицо, чем у правдоподобия.

**Кэткот.** Обобъяснись, Томас, – только без увуверток.

94

**Барретт** (*перебивая*). Однако думай, прежде чем что-то сказать. Говори сдержанно. Покажи, что на тебя можно положиться –

**Томас.** Если чего-то *мало*, из этого не сделаешь *много*, сэр. Листы никто не вырезал, насколько я знаю. Насколько мне известно, в книгах попадаются сгнившие листы, ломкие, почти нечитаемые – и они распадались у меня под руками. Точнее, часть из них удалось сохранить: я склеивал кусочки, которые можно было спасти. Вот стоят книги. Убедитесь сами: они отчасти размякли, отчасти, наоборот, пересушены, а некоторые страницы слиплись из-за свечного воска или закапаны им.

**Уильям.** Я иногда заходил к нему и видел, как он мучается с неблагодарными книгами.

*(Томас достает с полки два фолианта; один он протягивает Барретту, другой – Бергему. Оба осторожно листают книги. Ламберта все это мало интересует, но от Барретта он не отходит.)*

**Ламберт.** Я говорил о вырезанных пергаментных страницах, а не о состоянии фолиантов.

**Барретт** (*с неумеренным восторгом*). Здесь, например, лист восстановлен просто мастерски!

**Бергем** (*возбужденно, но тихо*). Томас... Подойди-ка. Смотри – хорошо известный мне герб, бегло набросанный на полях, коричневыми чернилами...

**Уильям**. Это не чернила, а бычья кровь... смешанная с мочой и солью железа...

95

**Томас** (*зажимает Уильяму рот*). Тише, прошу вас, сэ... ни слова больше... ни слова при свидетелях. набросок выполнен мною...

**Бергем**. Нам, наверное, лучше поговорить где-нибудь в сторонке?

**Томас**. Если получится, сэ... Если бы я мог открыться перед вами прямо сейчас...

*(Бергем с шумом захлопывает книгу.)*

**Барретт**. Так быстро закончили с проверкой?

**Бергем**. Выпьем еще по бокалу. А потом я откашляюсь.

**Филлипс**. Вы хотите сказать, что потом выдадите нам что-то особенное? Так обычно выражаются проповедники.

**Томас** (*Уильяму*). Не ходи за мной по пятам!

*(Все пьют.)*

**Бергем.** Ты соби́рался воспользо́ваться ве-  
ревкой? Или ядом?

**Томас.** У меня есть яд. Мышьяк.

**Барретт.** Придется забрать его у тебя.

**Томас.** Я не отдам.

96

**Бергем.** Имеется ли у вас, господин адвокат,  
контора, помимо этой канцелярии, – может быть,  
где-то рядом?

**Ламберт.** Само собой; здесь у меня только  
приемная... так сказать, для престижа.

**Бергем.** Тогда я попрошу господ временно  
удалиться туда и оставить меня наедине с Тома-  
сом.

**Барретт.** Я не вполне понимаю. Но, тем не  
менее...

**Ламберт.** Миссис Ламберт – матушка – рас-  
сказала мне, что Томас приобрел яд и, кроме того,  
постоянно носит при себе пистолет. Я не верил,  
что это возможно –

**Уильям.** Со времени самоубийства моего  
брата –

*(Барретт, Ламберт, Кэткот, Филлипс, Уи-  
льям Смит уходят в правую дверь.)*

**Бергем** *(без всякого перехода).* Это герб Валь-  
тера де Бургамма, я показывал его тебе в книге.



Здесь, правда, герб всего лишь скопирован – тобою, как ты признался. Зачем ты его нарисовал? Ты просто так развлекался, потому что случайно вспомнил о моем родословном древе?

**Томас** (*снова раскрывает книгу*). Присмотритесь внимательней, сэра, прошу вас. Лист этот вставлен недавно, он фальшивый. Настоящим же листом с подлинным гербом – тремя гиппопотамами на лазоревом фоне – теперь владеете вы; я принес его, потому что задолжал вам деньги, сэра. Мы таким образом рассчитались, и вы еще дали мне одну крону.

97

**Бергем**. Получается, я – если по справедливости – в данном случае должен простить тебе кражу. Так что же, я владею и другими вырезанными пергаментами, о которых говорил мистер Ламберт?

**Томас**. Сэр – нет. Речь идет лишь о семи листах из пяти фолиантов. Их получил мистер Барретт, для своей «Истории Бристоля».

**Бергем**. Барретт?.. Он же почтенный человек, известный ученый, а не выходец из низов, как ты или я. Он был учеником Винчестерского колледжа, аптекарем, хирургом, штабным лекарем флота, начальником госпиталя Святого Петра – правда, еще и акушером, в силу собственной склонности, – и всюду действовал весьма успешно. Он написал историю медицины и уже много лет работает над трудом о Бристоле.

**Томас**. В последнее время ему не хватало первоисточников. Потому у него и возникла мысль воспользоваться моими услугами.

**Бергем.** Он подталкивал тебя к воровству?

**Томас.** Речь шла не о воровстве, а о *доставании*. «Достань мне, что найдешь», – таковы были его слова.

**Бергем.** Он придавал им двусмысленное значение?

98

**Томас.** Для него было предпочтительнее ничего такого в виду не иметь. Но *просто копии* его не удовлетворяли.

**Бергем.** Почему же ты заходил в своей услужливости так далеко?

**Томас.** Сэр... на случай если я здесь потерплю неудачу... потерплю неудачу как поэт... у меня должен оставаться какой-то выход. Я решил, что – дабы бежать от неприятностей, которых становится все больше – на худой конец стану судовым врачом. Мистер Барретт одалживал мне руководства по медицине. Я часто посещал анатомический театр. Он может достать для меня патент – апробацию пятой степени, по крайней мере.

**Бергем.** Мы все пытаемся куда-то бежать. Я, например, нахожу прибежище в музыке, когда жизнь становится чем-то черным, наподобие свернувшейся крови. Люблю Генделя и Гайдна...

**Томас.** Прошу вас, сэр, окажите уважение самому себе, вернув мне доброе имя. Помогите...

**Бергем.** Так ты говоришь, изуродованы пять фолиантов, а не двенадцать?

**Томас.** Пять, сэр, только пять...

**Бергем.** Считаю, что этого разговора между нами не было.

**Томас.** Не было, сэр. Чего не должно быть, того нет и не было.

**Бергем** (*подходит к двери справа*). Господа, прошу вас...

99

(*Появляются Барретт, Ламберт, Кэткот, Уильям Смит.*)

**Ламберт.** Так вы забрали у него яд, мистер Бергем?

**Бергем.** Яд у меня в кармане, сэр.

**Ламберт.** Теперь я буду лучше спать по ночам. Мне вряд ли удалось бы свыкнуться с мыслью, что Томаса в любой момент могут обнаружить здесь в канцелярии *в качестве трупа*.

**Бергем.** Из пяти фолиантов, в общей сложности, исчезли – опять же в общей сложности – семь листов. Я готов купить эти книги, как если бы они были неповрежденными. Цену назначите вы сами, мистер Ламберт.

**Ламберт.** Очень любезно с вашей стороны. Что мне на это ответить?

**Бергем.** Назовите цену.

**Ламберт.** В принципе я согласен. Но так сходу сформулировать требование... значит поставить одну из сторон в невыгодное положение.

**Бергем.** В любом случае книги уже принадлежат мне, не так ли?

**Ламберт.** Как вам будет угодно...

100

**Филлипс.** Прием, я полагаю, закончен? Тогда разрешите откланяться.

*(Уходит.)*

**Барретт** *(Томасу)*. Мистер Ламберт надеется, что отныне ты будешь для него более покладистым и усердным помощником. Твоя строптивость свидетельствует не о гордости, а только об упрямстве. Произвольное обращение с книгами (я выражаюсь очень сдержанно) – свидетельство твоей самоуверенности, извращенных представлений о нравственности. Ты требуешь поддержки и, похоже, не понимаешь, что тебе ее предоставляли – более чем щедро. Своими знаниями ты обязан великодушному учебному заведению. Тот, кто принимает благодеяния, должен быть готов отплатить за них добром. Этого требуют приличия, а в твоём случае – и закон. Как бы ты стал на удивление юным исследователем (я бы даже сказал: вундеркиндом), коим восхищаются лучшие умы Бристоля, если бы спутником твоей бедности оставалось невежество? Итак, углубляйся в себя; не играй с ядовитыми мыслями: они не менее губительны, чем приобретенный тобой у аптекаря белый порошок. *(Томас стоит, будто окаменев.)* Ну же, скажи что-нибудь!

**Томас** (*хмуро*). Я запомнил каждую сказанную вами фразу.

**Бергем**. Понятно, что как раз сейчас тебе трудно найти подходящие слова; и все же мистер Ламберт ожидает от тебя какого-то знака примирения.

**Томас** (*преодолев себя, подходит к Ламберту и склоняется перед ним в поклоне*). Я прошу у вас прощения, мистер Ламберт.

101

**Ламберт**. Странно, что я вспотел...

**Кэткот**. Похоже, это воскресенье мы наконец-то перережили.

**Бергем**. Не забудь про книги, Томас!

**Томас** (*достает с полок книги*). Всего их пять...

**Уильям**. Можно, Томас, я останусь у тебя?

**Томас**. Уходи! Я должен побыть один.

**Барретт** (*Бергему*). Я помогу вам донести их до дому.

**Бергем**. Рассчитаемся еще сегодня, мистер Ламберт?

**Ламберт**. Завтра, сэ, если не возражаете: миссис Ламберт, моя матушка, уже заждалась меня к ужину. (*Гости поспешно направляются к выходу.*) Запри дверь, Томас, когда будешь уходить, – а ключ занеси ко мне на квартиру.

**Томас.** Конечно, мистер Ламберт.

**Бергем.** Всего тебе доброго, Томас!  
(Все, кроме Томаса, уходят.)

**Томас** (некоторое время стоит в задумчивости, потом пытается сдвинуть стенку с книгами – безуспешно).

102

Не удастся. Все напрасно. За стенкой ничего нет – ни прохода, ни лестницы. Фантазии. Возможности. Мистер Абуриэль: какая-то тень, встреча в лунном свете, знакомство на кладбище. Существо без денег и без хлеба. А те другие: чернильные привидения, более плоские, чем бумага; даже не пепел, остающийся, когда я жгу бычьей кровью, из которой они – в своем буквенном качестве – состоят... (У него падают документы. Он подбирает их, кладет обратно, садится на стул.) Вместо того, чтобы оставаться тем, что я есть – поэтом, – я вынужден играть роль фальсификатора. Обман приносит деньги, а достижения – только насмешки. Но где же Чаттертон: тот подлинный Том, которого еще никто не видел, даже сам Том? Этот, сидящий сейчас на стуле, – не он. Под черепной коробкой, внутри; в перекачивающем кровь сердце, внутри; в половых органах, внутри: вот где можно найти Томаса. (Хлопает себя по соответствующим частям тела, вскакивает.) Меланхолия – производное от обычной плоти. А в чем выражается воздействие яда? (Показывает себе самому пакетик с мышьяком.)

КАНУН ПАСХАЛЬНОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ,  
14 АПРЕЛЯ 1770 ГОДА

*В эту же пасхальную неделю четырнадцатилетний Моцарт несколько раз прослушал в Сикстинской Капелле – и потом записал по памяти – Miserere Аллегри<sup>17</sup>.*

*Швейная комната в доме Сары Чаттертон – как в первом действии, только без куклы Матильды. Кровать на заднем плане покрыта ковром. Мягкий свет второй половины дня, постепенно меркнущий. Старая миссис Чаттертон безучастно сидит на стуле и курит трубку. Томас Чаттертон сидит у стола, ближе к рампе, и пишет.*

103

**Ламберт** (входит, откашливается). Добрый день!

**Томас** (поспешно поворачивается к нему). Мистер Ламберт –

**Ламберт.** Вот письменное подтверждение, что я до срока освобождаю тебя от ученического

---

<sup>17</sup> Грегорио Аллегри (1582-1652) – итальянский композитор и священник. Партитура его самого известного сочинения *Miserere* (на текст псалма 50) долгое время была недоступна для широкой публики, так как Ватикан, хранитель единственной копии рукописи, запретил копирование *Miserere* под угрозой отлучения от Церкви. К партитуре имели доступ только музыканты, исполнявшие это сочинение один раз в год в Сикстинской Капелле. Четырнадцатилетний Моцарт, посетивший с отцом Ватикан в 1770 году, запомнил *Miserere* Аллегри на слух и потом в точности записал по памяти, таким образом создав первую «контрабандную» копию.

договора. Самоубийство, которое ты на сей раз наметил на праздник Воскресения, уже не будет меня касаться, если ты в самом деле его совершишь.

*(Он хочет уйти. Но на пороге появляются, один за другим, Барретт, Бергем, Кэткот.)*

104

**Бергем.** Томас свободен, благодаря вашей непоколебимой готовности извлекать выгоду из поэзии.

**Ламберт.** У меня мало времени. Желаю вам радостной Пасхи!  
*(Уходит.)*

**Бергем** *(кланяется)*. Добрый день, миссис Чаттертон... А где твоя матушка, Томас?

**Томас.** Пошла с моей сестрой в Рэдклиффский собор, сэра.

**Кэткот.** Вы тетеперь попопедете в Лондон и там попопытаете счастья, мистер Чаттертон? Ваше учученичество зазакончилось – отсюда новое обобращение.

**Томас.** Черная стена воздвиглась за моими плечами. Оставшись в Бристоле, я бы погиб. Теперь мучительные цепи сброшены, но что меня ждет впереди? Какие новые ужасы?

**Барретт.** Ты достиг своей цели. Правда, не вполне безупречными средствами.

**Томас.** Да, но какой ценой, сэра!



**Барретт.** Так уж будь добр назвать нам ее! Коль заупрямишься, нам хватит терпения подождать. Жалкое показное завещание, составленное тобой прошлой ночью, мы уже видели. Твое словоизвержение – смесь бабского нытья и наглости. Каждого из нас ты изобразил с неприкрытым бесстыдством.

**Томас.** Назвать вам цену, *цену*? Она состояла в том, что я вынужден был придумать Роули и потом задыхался, искусно мастера его из старых пергаментов и бумаги: с помощью поддельных чернил из бычьей крови и соли железа; Уильям Смит присовокуплял к этому свою мочу. Буквы я рисовал, подражая Кэкстону. *Письменное свидетельство монаха – моя работа, мое достояние.* Мне одному принадлежит знание о давно умерших жителях этого города, об их домах и надгробиях.

**Барретт.** Ты сошел с ума! Роули – фальшивка?!

**Томас.** Поэтический вымысел.

**Барретт.** Боюсь за твой рассудок... Но, как бы то ни было, сказанное тобою легко опровергнуть.

**Бергем.** Само собой. Я владею кое-какими источниками.

**Барретт.** Я тоже.

**Кэткот.** И у меня они есть.

**Барретт.** Я проверял рукописи. Они все относятся к XV веку. Еще вчера я обнаружил в городском архиве отчет об укреплении стен Бристоля – определенно написанный рукой Роули.

**Бергем.** Пошатнуть веру в подлинность стихотворений Роули тебе не удастся. Ты слишком самонадеян или, наоборот, сбит с толку (откуда мне знать), но в любом случае – явно не в себе.

**Старая миссис Чаттертон.** Я никогда не верила, что наш мальчик нормален. Сара вечно с ним цацкалась как с *избранным*.

**Томас.** «Бумаги Роули» сочинил я, один я. Часть этих стихов я со тщанием перенес на старую бумагу и пергамент. Иллюминировал, закапал воском и замарал мушиными какашками, протравил кислотой, обгрыз по краям зубами, неаппетитно загрязнил –

**Барретт.** Довольно! Мы не в сумасшедшем доме.

**Томас.** Лист из городского архива – тоже моя работа. Я доставил его туда уже давно.

**Барретт.** Хватит, я сказал. Лгать ты научился, можно считать, с пеленок. А сейчас потчешь нас глупостью и ложью одновременно. Я говорю, я утверждаю: ты лжешь. Ты болен, и болезнь твоя состоит в том, что ты не можешь не лгать.

**Кэткот.** А нет ли у вас, мистер Чачаттертон, друдругих, до сей поры ненеизвестных фальшивых бубумаг этого Ророули? Я гоготов купить их у вас как поподлинные.

**Томас.** Написанное мною – мое достояние. Не существует другой собственности, что была бы столь же надежна.

**Кэткот.** Я задал вам вопрос, мистер Чаттертон.

**Томас.** Да, есть. Трагедия «Аэлла».

**Кэткот.** Какакую же цену вы за нее наназначите?

107

**Томас.** Это главная вещь цикла.

**Кэткот.** Какакова ваша цена?

**Томас** (*растягивая слова*). Пять крон.

**Кэткот** (*достаёт кошелек*). Какраз столько у меня имеется при себе. Дадавайте рукопись.

(*Томас роется в бумагах на столе; передает наконец рукопись и получает деньги.*)

**Барретт** (*с вновь вспыхнувшим раздражением*). Так ты, значит, сам написал бессмертные сочинения Роули?! Стыда в тебе нет, как ты посмел с ним равняться?

**Томас.** Томас Роули – это Томас Чаттертон.

**Бергем.** Гербы, родословные древа – фальшивки, изготовленные мальчишкой! Почему тогда ты крал из фолиантов листы? Они тоже были неподлинными?

**Томас.** Я всегда пользовался настоящим старым пергаментом.

**Бергем.** С глупостью все понятно; но эта бессмысленная, слабоумная бестактность... Ты ведь, при всей своей образованности, всего лишь бедное ничтожество!..

108 **Барретт** *(мягко)*. Томас, мне жаль тебя... Человек твоего возраста не способен создать такие возвышенные и прекрасные произведения, как те, что вышли из-под пера благословенного пиита Роули. Тебе даже не хватило бы времени, чтобы просто их переписать.

**Томас.** Я сэкономил на сне.

**Барретт.** Нет, никогда... Невозможно, чтобы ты был автором всего этого.

**Бергем.** Пойдемте, сэр.

**Томас.** Сочинения Роули будут опубликованы под моим именем.

**Кэткот.** Мы ниничего не добьемся. Пойдемте.

**Барретт.** Парень спятил. Я должен подумать, как с ним поступить...

**Бергем.** Идемте с нами, сэр.

*(Бергем тянет Барретта за собой. Вместе с ними уходит и Кэткот.)*

**Томас** *(взвешивает на ладони монеты)*. Это утяжелит сумму, отложенную для путешествия.

**Уильям Смит** (*входит в комнату*). Я должен поговорить с тобой, Томас.

**Старая миссис Чаттертон** (*поднимается со стула, шаркает к двери*). Пойду на кладбище к дяде Ричарду. Там все-таки меньше жути...

**Уильям**. Если можешь, послушай меня. У глупца тоже есть рот. И сердце. Хотя заслуживающие упоминания мысли мне в голову не приходят. Еще два-три года, и я стану Кабыкто, у которого на лице написано, что он в вечности не останется. Ты же поэт, ты сделан из другого теста, чем рядные люди.

109

**Томас**. К чему ты клонишь?

**Уильям**. Не знаю почему, но я тебе предан: всегда готов помочь, без надежды на выгоду для себя... Я тебе *придан*... еще со времени долгих ночей в дортуаре Колстонской школы. Между нами было взаимопонимание. Теперь ты изменился, Том. У тебя жесткое, пугающе жесткое лицо. В эти последние недели я пытался как-то вкрасься тебе в душу; но ты не подпускаешь к себе, ты рассеян, у тебя призрачно-застывший взгляд.

**Томас**. Да, так и есть. В этом я похож на императора Нерона.

**Уильям**. Не понимаю.

**Томас**. Если услышу ночью  
стук копыт на улице,  
думаю о своей смерти.

Он был поэтом – возможно, не хуже и не лучше меня. Кто знает? Был человеком, не хуже и не лучше меня. Кто знает?

**Уильям.** Твои мысли перескакивают с пятого на десятое.

110 **Томас.** Бристоль для меня тесен. Здесь все пошло наперекосяк. Мне не верят относительно Роули. Я хочу в Лондон. Хочу, чтобы мои произведения напечатали.

**Уильям.** Лондон – – предполагает разлуку.

**Томас.** У меня нет выбора.

**Уильям.** Бристоль до сей поры тебя кормил. Из Лондона ты хлеб насущный не получал.

**Томас.** Там большие типографии и издательства. У меня наметились кое-какие связи. Были и выгодные предложения. Я еду не в неизвестность. Десятки писем, отосланных мною, подготовили почву для моего приезда. Там уже произносят вслух мое имя. Здесь же мое перо не может сдвинуться с мертвой точки.

**Уильям.** А в Лондоне, думаешь, атмосфера будет благоприятней для твоего духа?

**Томас.** Меня влечет туда, все дело в этом влечении. Я чувствую привкус крови во рту, стоит мне вспомнить о неутоленных желаниях. Ведь Бог посылает свои создания в мир, снабдив их руками – достаточно длинными, чтобы дотянуться до *всего*, чего эти создания, вопреки всякому разуму, могут возжелать, поддавшись искушающим их соблазнам.

**Уильям.** Прими это как знак или предостережение: что сэр Хорас Уолпол<sup>18</sup>, поначалу отнесшийся к тебе хорошо, вскоре от тебя отвернулся –

**Томас.** Чему тут удивляться: богатый человек с бедным сердцем...

**Уильям.** Издатель Додсли так и не решился напечатать твои сочинения.

III

**Томас.** Я давно переложил свое седло на мерина с политической арены. Речь всегда идет о свободе или рабстве. И у свободы отнюдь не лучшие кони.

**Уильям.** Ты теперь пишешь политические эссе и думаешь о девицах.

**Томас.** Да, я домогаюсь любви. Но обретаю только мгновения радости.

**Уильям.** Ты выбираешь выражения, считаешь с моей неопытностью. А почему, собственно? Тебя не раз видели в Селедочном переулке.

**Томас.** Кого из молодых людей Бристоля там не видели?

**Уильям.** Девушка из одного такого полукрытого дома: милая, еще очень юная, добродушная, судя по всему; полненькая или, можно

---

<sup>18</sup> Хорас Уолпол (1717-1797) – родоначальник жанра «готического романа», автор романа «Замок Отранто» (1764). Уолпол быстро разоблачил сочинения Роули, которые ему послал Чаттертон, как фальшифку.

сказать, пышная – наверное, тоже заурядная натура, вроде меня, – которая еще два-три года назад лелеяла детские мечты, невинно укладывалась в постель – – –

112 **Томас.** Теперь преследует меня, пишет мне письма, хотя по ней уже прокатились волны мужчин: матросы и торговцы, солдаты, убежденные холостяки... Это и вправду удивительно, но отдает плохим вкусом.

**Уильям** (*нерешительно*). Как же обстоят в этом плане твои дела?

**Томас.** А ты еще никогда не посещал такие задние комнаты?

**Уильям.** Нет.

**Томас.** Тогда твое описание девицы вдвойне ценно. Это чистый вымысел, почти не уступающий в совершенстве вымыслу поэтическому.

**Уильям.** Почему ты смеешься надо мной?

**Томас.** Потому что, как мне думается, ты лицемер.

**Уильям.** Чем я заслужил такой упрек?

**Томас.** Почему ты делаешь вид, будто ничего не знаешь о моем образе жизни? Уже два года я сочиняю для друзей любовные письма, которые те посылают молодым дамам. Разве мои чувства могли при этом остаться мертвыми? Ты не можешь не знать, что дело обстоит по-другому. В



январе мисс Сингер произвела на свет ребенка. Твой брат Питер и я совместно участвовали в подготовке этого естественного события. Ровно неделю назад я оборвал приятные отношения с мисс Эстер Саундерс. Она стала слишком назойливой, хотела выйти за меня замуж. Вчера закончилась и моя связь с миссис Сьюки Уэбб: у той тоже были свои предрассудки. Покладистая малышка Тэтчер с Рэдклифф-хилл утверждает, будто природа благословила и ее чрево: с такой же беспощадностью, как чуть раньше – чрево мисс Сингер; но Фанни Тэтчер уже нашла себе вечно хнычущего, медленно угасающего дурачка Льюиса, готового возместить причиненный ей ущерб.

**Уильям.** Я догадывался... но не знал ничего наверняка... и считал эти слухи преувеличенными...

**Томас.** Мы уже в возрасте, когда прежних друзей меняют на девушек. Перемену обычно замечают лишь после того, как она произошла. Темной зимней ночью, когда я самым плачевным образом мерзнул, а тебе вдруг взбрело на ум сунуть голову под одеяло и согреть меня дыханием... я подумал сперва о кукле Матильде, а потом – о ее возможном воплощении в человеческом облике... и мне стало почти противно, что рядом со мной лежишь ты.

**Уильям.** Мне трудно ухватить смысл твоих слов. Их надо понимать как пинок?

**Томас.** Все подвержено распаду. Даже чистое золото.

**Уильям.** Ты говоришь ужасные вещи.

114

**Томас.** Должны же мы поговорить начистоту... Мы не мерная чаша, мы – *содержимое*. Мы оказываемся выплеснутыми в мир. Я многих женщин *брал*, но ни одну не любил; это непорядочно. Однако как уклониться от требований собственной плоти, когда она жаждет толики тепла? Теперь я еду в Лондон. Можешь считать такое решение порождением эгоизма, высокомерия или отчаянья. Мой отъезд это бегство. Если и там меня ждет разочарование, я сделаюсь проповедником-методистом, в крайнем случае – судебным врачом. Если и это не удастся, моим последним спасением станет пистолет. С ядом я никогда не расстанусь.

**Уильям.** А я, значит, оказался выплеснутым туда, где мне самое место.

**Томас.** Где же тебе самое место?

**Уильям.** Там, где нет Томаса Чаттертона... Нет его беспокойных пронизывающих серых глаз.

**Томас** (*примирительно*). Я был жесток с тобой. Такова моя сегодняшняя роль: вести себя отвратительно.

**Уильям.** Ты можешь говорить добрые или злые слова, теперь это все равно. Моя стесненная сущность... в качестве теплой шкуры в твоей постели... больше тебе не нужна.

**Томас.** Ты дольше всех других мог *оставаться* здоровым рядом со мной, больным.

**Уильям.** Я теперь наймусь на какой-нибудь корабль.

**Томас.** Надеюсь, ты это не всерьез.

**Уильям.** Ты, как рыцарь удачи, совершишь путешествие в Лондон; я, как юнга, – в Америку.

**Томас.** Уильям... Я вовсе не хотел оскорбить нашу дружбу. Мы с тобой вместе предавались грезам, состояли в заговоре против нашего окружения. Я не имел от тебя тайн –

115

**Уильям.** А я вообще никаких тайн не имел. С первого дня нашего знакомства я был лишь глупым учеником с уже исчерпанными возможностями. Я не мог строить из себя непонятого или нещадно используемого. Я был не более чем твоя случайная тень, отбрасываемая случайным источником света. И потому сейчас ни в чем не раскаиваюсь, а только сожалею... *(Он отворачивается.)* Успехов тебе в Лондоне!

**Томас.** Ты в самом деле хочешь наняться на корабль?!

**Уильямс.** На первый же, где меня возьмут. В моем телосложении, надеюсь, недостатков не обнаружат.

**Томас.** Я услышу о тебе?

**Уильям.** Никогда. Думай себе в утешение, что я проживу еще пятьдесят лет. Тогда для тебя ничего не изменится, если я умру через год: ты об этом просто не узнаешь. Я тоже буду думать, что ты проживешь еще пятьдесят; и даже если могилу

для тебя выруют совсем скоро, я, оставаясь *несведущим*, не стану ее искать.

*(Уходит.)*

**Томас** *(некоторое время стоит, как бы погружившись в сонное оцепенение)*. Нужно всему этому дать задний ход!

*(Быстро подходит к двери, распахивает ее. На пороге возникает Абуриэль.)*

116

**Абуриэль**. Ты один?

**Томас**. Мистер... мистер... Какие дела, позвольте узнать, изредка приводят вас в Бристоль?

**Абуриэль**. Никакие.

**Томас**. У меня мало времени, сэр –

**Абуриэль**. Я пришел ради тебя.

**Томас**. Ради меня? Непривычно такое слышать, сэр.

**Абуриэль**. Со своим другом Уильямом ты разделался – хоть и собирался сейчас побежать за ним. Он будет прятаться где-нибудь в подъезде, пока не выплечется и, обессилив от слез, не позабудет себя. Другой друг – Питер, лежащий в могильном склепе, – больше тебя не тревожит. Кэри, которого ты называл своим вторым «я», – теперь лишь пустой звук на твоих устах.

**Томас**. Я нахожу ваше появление странным, мистер Абуриэль... Ваши познания относительно моей жизни удивительны. До сей поры я видел вас очень редко.

**Абуриэль.** Верно. Существа вроде меня сами выбирают момент, когда они хотели бы принести пользу.

**Томас.** И вы полагаете, именно сейчас вам опять представился шанс... оказать мне поддержку?

**Абуриэль.** Томас Чаттертон вскоре почувствует беспокойство и начнет вглядываться в сумерки за окном – не покажется ли девичья головка.

117

**Томас.** Разве я не один на один со своими переживаниями?

**Абуриэль.** Для твоего возраста возможные переживания легко вычислить; тем более что ты, зная анатомию лишь поверхностно, механизму тела доверишь больше, чем собственному духу.

**Томас.** Сэр... Чего, собственно, вы от меня хотите? Почему преследуете? Я вам ничего не задолжал.

**Абуриэль.** Я лишь рабочий инструмент; а для тебя чужак, чей путь пересекся с твоим: доведок к твоему бытию. Хочу я от тебя только одного: чтобы ты *выстоял*. Ты обгонял свои годы – до сего дня. Выполняя причудливые проекты, ты следовал закону ниспосланного свыше дара. Испытания же, коим ты подвергался, были земными. И если порой твои поступки припахивали падалью и выглядели как грязь, меня это мало трогало: пусть благонравные бюргеры и бюргерши зажимают себе носы. У меня другие, чем у них, представле-

ния о... о грязи. У Природы об этом другие представления, чего ревнители книжной премудрости в упор не замечают...

**Томас.** К чему вы клоните свою речь?

118

**Абуриэль.** К реальности. Ты обстукиваешь стены, ограничивающие твое дарование, ищешь бездну ради страсти, которая едва-едва тебе показала. Ты переоцениваешь свою гордость, свои распутства, торгуешь убеждениями и приносишь глубинные внутренние видения в жертву расхожим рифмам.

**Томас.** Еще слово, и вам придется замолчать, мистер Абуриэль; да, я люблю Марию Рамси.

**Абуриэль** (*насмешливо*). Ее одну? Или и другую тоже? Или какую-то третью? А может, всю дюжину тех, с кем ты, вроде бы, уже расстался?

**Томас.** Разве это не единственный достойный способ обходиться со временем: делить его на часы одиночества и часы сладострастия?

**Абуриэль.** Ты настаиваешь на испытании, *выстоять* в котором не сумеешь. Выбираешь *такой* грех в качестве доказательства твоей бедности.

**Томас.** Вы хотите лишить меня мужества, мистер Абуриэль.

**Абуриэль.** Я всего лишь *голос*, который ты слышишь. И уже ухожу, ибо чувствую, что стал тебе в тягость.

**Томас.** Так внезапно?

**Абуриэль.** Не искушай сам себя, воображая, будто можешь выиграть красивую жизнь.

*(Он исчезает. Между тем, уже стемнело. Старая миссис Чаттертон тихо входит в комнату.)*

**Томас.** Мудрость, сковывающая волю; призыв к умеренности; изображение счастья, коего жаждет плоть, как греха... Лучше уж стать падшим...

119

**Старая миссис Чаттертон.** Какая неудачная страстная суббота! Пойду-ка я к себе и лягу в постель.

*(Уходит.)*

**Томас.** Это ты, бабушка? *(Входит Мария Рамси.)* Мне кажется, я вижу сон. Наконец-то ты со мной, Полли. Каким безрадостным был бы этот день, если бы ты не пришла! *(Он обнимает Марию.)* Ах Полли, Полли! Всё во мне опустошено, всё в запустении. Память – обрушившаяся башня. Только ты, душа души моей, стоишь невредимая: словно статуя богини.

**Мария Рамси.** Что с тобой? Все еще ревнуешь к Фаулеру?.. Для этого нет причин.

**Томас.** Я свободен. Я больше не ученик. Мне страшно. Удовольствий, которые я познал, было в моей жизни так мало... зато постоянно присутствовали бессонница и холод. Я собираюсь в Лондон. Поедешь туда со мной?

**Мария.** Я буду тебя навещать... это уж в любом случае. Так значит, твой план удался. Расскажи!

**Томас** (*выглядывает из окна*). Мама и сестра возвращаются из церкви. Скорее, поднимайся в мансарду, чтобы соединивший тебя и меня прекрасный миг принадлежал нам одним.

(*Оба уходят.*)

120

(*Появляются Сара Чаттертон и ее дочь Мэри.*)

**Мэри Чаттертон.** Томаса тут нет.

**Сара Чаттертон.** Скверные дни предстоят нам, Мэри. Томас, пока не отправится в Лондон, будет беспокойным, вспыльчивым, несправедливым. У него разорванная душа. Он среди нас – чужак.

**Мэри.** Он просто несносный юнец, неудачный сын –

**Сара.** По-настоящему он так и не освободился от смерти. Он ведь был мертвым, Мэри, когда я его родила...



## ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

121

НАЧАЛО ИЮНЯ 1770 ГОДА  
ЛОНДОН-ШОРДИЧ, 48 ХАЙ-СТРИТ

*Большая меблированная комната с двуспальной кроватью, на стене – лавровый венок с бантом. Томас Чаттертон сидит за столом и пишет; повсюду на полу валяются обрывки бумаги и скомканные бумажные листы.*

**Миссис Уолмсли** (*входит с ведром и дроковым венком*). Так-то, сэр. Надеюсь, вы не запретите мне хотя бы подмести пол. Вы утонете в этой бумажной пучине. Кроме того, вместе с вами в комнате живет мой племянник. Приведи он в гости товарища, потом сраму не оберешься.

**Томас**. Мадам... Прошу вас... Поэты ненавидят веники. Уборки плохо согласуются с чтением и сочинительством.

**Миссис Уолмсли**. Уж не знаю, зачем нужны поэты... Разве только, чтоб в грязном камзоле и поношенном шлафроке сидеть у мансардного окошка и в один прекрасный день помереть с голоду...

**Томас.**

Вы когда-нибудь слышали,  
чтобы мерин и блудница  
вместе царством управляли?  
Понимаете, о чем здесь речь, Мадам?

**Миссис Уолмсли.** Это что-то политическое. О нашем правительстве.

122

**Томас.** Правильно. Я поддерживаю близкие отношения с Уильямом Бекфордом, лордом-мэром, и Джоном Уилксом, депутатом парламента<sup>19</sup>. Свобода и правда – лучшие цели, чем верность правящему режиму. Я пишу для «Фрихолдерз мэгэзин», для «Таун энд кантри мэгэзин», для «Миддлсекс джорнал» – короче, я стал политическим автором, а дело справедливости отлагательств не терпит. Всего сукна, производимого в Англии, не хватит, чтобы прикрыть те мерзости, которые совершаются толстосумами, правительством и судейскими. Но люди, как правило, слепы. Им нужно открыть глаза. Поэтому я и пишу. Прошу вас: примите во внимание мою спешку и удалитесь, *не завершив задуманное*. К тому же, еще сегодня я уйду по делам; тогда вам и представится шанс осуществить ваше полезное намерение.

---

<sup>19</sup> Джон Уилкс (1725-1797) – британский журналист, публицист и политик, поборник народной свободы, одна из ключевых фигур в становлении европейского радикализма. Не раз задерживался властями, изгонялся из Парламента, но в 1774 г. добился избрания олдерменом Лондона.

Уильям Бекфорд (1709–1770) – политический деятель; дважды (в 1762 и 1769 гг.) избирался лордом-мэром Лондона; поддерживал Джона Уилкса.

**Миссис Уолмсли.** Хорошо. Я загляну к вам еще раз, попозже.

*(Она уходит. Томас Чаттертон продолжает писать. Врывается, не постучав, миссис Баланс.)*

**Томас.** Уважайте меня. Это комната, а не коридор. Я требую, чтобы вы стучали, прежде чем войти.

123

**Миссис Баланс.** Это же я, Томми, – твоя кузина.

**Томас.** Вы несносны, кузина Баланс. Мое имя не Томми. Вы слышали, чтобы какого-нибудь поэта звали Томми? По отношению к себе я такого не позволю. Мое настоящее имя вам известно, как и другим жильцам этого дома. Я требую от вас уважения, а не доверительности.

**Миссис Баланс.** Я нахожу, что вы ведете себя глупо, *Томас Чаттертон*. Кроме того, скорее у меня, а не у вас, есть повод для жалоб.

**Томас.** Как, простите?

**Миссис Баланс.** Я знать не знаю никаких поэтов, а какие у них имена – тем более. Зато могу с уверенностью сказать, что я твоя кузина и, сверх того, почтенная женщина: вдова моряка, которая взяла на себя обязательство заботиться о твоём телесном благополучии... имеются в виду еда и питье.

**Томас.** Я прошу... Я требую, чтобы вы вели себя со мной как с уважаемым человеком и соответственно ко мне обращались. Если вы не знаете,

что такое поэт, то хотя бы признайте во мне *личность*, к тому же *прилично одетую*, – как нечто несомненно наличествующее.

124

**Миссис Баланс.** Мне вы не задурите голову, Томас Чаттертон. Мое теперешнее намерение и, между прочим, мой долг, как вашей кузины, – дать вам совет. Ваши друзья Фелл и Эдмундс, издатели либеральных журнальчиков – для которых работали и вы, – попали за решетку. Об этом можно прочесть в газетах, да и сами вы, Томас Чаттертон, что-то такое рассказывали. По этой ли, по другой ли причине, но ваши опусы перестали пользоваться спросом, чего вы не можете отрицать. Вы сейчас пишете в пустоту или чтобы швырять написанное себе под ноги; в лучшем случае – для уличных певцов или музыкальных шарлатанов. Вы перебираете последние шиллинги, завалившиеся в кармане, и надеетесь... уж не знаю на что.

**Томас.** У меня прекрасные отношения с лордом-мэром. Его письменное обращение к королю – имевшее следствием бегство одного коррумпированного министра (и, увы, также заключение под стражу таких порядочных людей, как Фелл и Эдмундс), – вскоре получит большой резонанс в прессе. Уильям Бекфорд нуждается в моем писчем пере.

**Миссис Баланс.** А сами вы нуждаетесь в более насыщенной пище – в хлебе, например. Я с тревогой наблюдаю, что вы одеваетесь слишком элегантно, передвигаетесь по городу в портшезе –

**Томас.** Это необходимо. Когда я сижу в кофейне с братом какого-нибудь лорда и набрасываю

ваю план объемистого справочника по истории Лондона, я не могу выглядеть как бедный семнадцатилетний ученик писца.

**Миссис Баланс.** Но ты в самом деле беден. Ты должен признать, что твоя литературная деятельность закончилась крахом, и приискать для себя какое-нибудь скромное местечко – писца или книготорговца. Твои высокопоставленные знакомые, наверное, могли бы найти тебе прилично оплачиваемое занятие, в торговой или правовой сфере.

125

**Томас.** Вы, кузина, не только навязчивы, но прямо-таки одержимы стремлением вновь и вновь одаривать меня очень полезными, благожелательными, но совершенно не подходящими мне рекомендациями. Вы желаете моего внутреннего разрушения, хотите, чтобы мой мозг взорвался... как будто я из чистой заносчивости покинул Бристоль и тамошнюю контору на Корн-стрит. Лучше уж я опубликую нечто такое, за что меня посадят в Тауэр, как Уилкса, – это, по крайней мере, поспособствует моей славе.

**Миссис Баланс.** Вы, Томас Чаттертон, рассуждаете на свой манер, я – на свой. У нас, конечно, разные способы рассуждения. Зато денежные купюры, которые нужны вам и мне для жизни, – одинаковые; в этом я убеждена. Что и позволяет мне перейти к следующему пункту. Вы трапезничаете за моим столом. Мы договорились, что вы за это будете вносить некий скромный вклад. Вы скверный едок: большинство моих блюд вам не нравится. Чтобы вы не оставались голодным, мы условились, что я буду готовить еду по вашему вкусу. Но получается, что вы манки-

руете едва ли не каждой трапезой. Вы пишете – и не хотите, чтобы вас беспокоили; впадаете в буйство, когда я говорю, что суп уже стоит на столе и скоро остынет. Или вы в это время в городе. Или у вас нет аппетита. То, что я приготовила, как правило, пропадает. Редко случается, что вы, спустя сколько-то часов, проглотите холодный остаток... Не говоря о том, что свой вклад в домашний бюджет вы уже три недели как не вносили.

**Томас.** Вы получите свои деньги, кузина. Я жду больших гонораров. 11 гиней 17 шиллингов – только за месяц май. Поэтому не беспокойтесь, пожалуйста. Впрочем, вы несправедливы ко мне, если думаете, что я не ценю ваши кулинарные способности. Просто я сознаю, что на настоящий момент задолжал вам сколько-то денег. Я не хотел бы злоупотреблять вашим доверием. Я невзыскателен и вполне обхожусь хлебом с водой.

**Миссис Баланс.** Дополняя их вареным бараньим языком. Это уже стало притчей во языцах.

**Томас.** Язык вкусен, дешев и питателен. К тому же потребность поесть я испытываю в основном по ночам.

**Миссис Баланс.** Вся ваша жизнь – сплошной хаос. Я в самом деле не понимаю, столуетесь вы у меня или нет.

**Томас.** Конечно, да, кузина; однако мне представляется правильным, чтобы мы отказались от совместных трапез до той поры, когда я ликвидирую свою задолженность.

**Миссис Баланс.** Не могу же я позволить тебе умереть с голоду!.. Ужин, между прочим, готов.

**Томас.** Очень любезно, что вы напомнили мне об этом; но сейчас я погружился в работу – глубже, чем всегда.

**Миссис Баланс.** Я уже уйду. Вы неисправимы. Люди порядочные так себя не ведут, Томас Чаттертон. Вы, похоже, родились в несчастливый час.

*(Уходит.)*

*(Томас Чаттертон рвет на мелкие клочки лист бумаги, начинает писать снова. В дверь стучат.)*

**Томас.** Кто там еще?

*(Входят мистер Уолмсли и его племянник Джек.)*

**Мистер Уолмсли.** Простите, если мы вам помешали, мистер Чаттертон; но дело безотлагательное. Речь идет о моем племяннике: вот этом, который делит с вами постель, мистер Чаттертон. Он вас боится. Не так ли, Джек, ты ведь боишься этого господина?

**Джек.** Да.

**Томас.** Не понимаю. Ничего плохого я вашему племяннику не сделал. Я обходился с ним дружелюбно.

**Уолмсли.** Он говорит, что время от времени, когда вы остаетесь вдвоем, вы неотрывно смотрите на него четверть часа или даже полчаса, не произнося ни слова, – смотрите с жутковатой пристальностью. Ему почти пятнадцать. В этом возрасте человек ощущает в себе какие-то телесные изменения и смущается, когда его так пристально рассматривают. Не правда ли, Джек?

**Джек.** Да.

**Уолмсли.** Он еще говорит, что, насколько ему известно, вы, мистер Чаттертон, не спите, когда лежите с ним рядом. Что будто бы вы привыкли ложиться очень поздно – порой в три или четыре часа утра. Но и тогда ваши глаза не закрываются, а плятятся в серые сумерки. Утром же, в пять или в шесть, когда Джеку пора вставать, ваши глаза будто бы все еще открыты и вы поднимаетесь одновременно с ним. Ты ведь так мне рассказывал, Джек?

**Джек.** Да.

**Уолмсли.** Почти каждое утро комната усеяна клочками бумаги, не больше шестипенсовика, – разорванными листами, которые вы написали ночью, крошечными буквами. Не так ли, Джек?

**Джек.** Да.

**Уолмсли.** Он еще говорит, что вы будто бы питаетесь чуть ли не одним воздухом: вам, дескать, хватает нескольких глотков воды, двух-трех кусков хлеба, с прибавкой – дважды в неделю – вареного языка, который вы достаете из кармана. Ведь ты так говорил, Джек?



**Джек.** Да.

**Уолмсли.** Он вас считает *призраком*, а не человеком. Он боится. Он больше не хочет спать с вами в одной постели и делить с вами комнату. Это я и хотел вам сообщить, мистер Чаттертон. Дело серьезное. Мы с супругой поставили для него кровать в комнате его сестры; дочке почти семнадцать, ему – между четырнадцатью и пятнадцатью. Но другого выхода нет... Ступай, Джек, займись своими делами!

*(Джек уходит.)*

**Томас.** Значит, комната наконец принадлежит мне одному.

**Уолмсли.** Это я и хотел сказать: вам так даже лучше, мистер Чаттертон. Я знаю, вы не пренебрегаете девицами. До сих пор вам приходилось посещать район между Черинг-Кросс и Флит-Дич. Отныне вы сможете время от времени приводить к себе модистку... или кого вы предпочитаете.

**Томас.** Если бы не мадам Баланс...

**Уолмсли.** Ваша кухня ведь не надзиратель над вами... В крайнем случае ее можно обмануть.

**Томас.** Не будем больше об этом, мистер Уолмсли. Моя жизненная задача – писать. Совсем без девиц мне не обойтись; но они – дело второстепенное.

**Уолмсли.** Вы живете в порядочном доме, понятное дело. Но я также понимаю, что природа требует своего. Вы ведь не бесплотный дух, за

которого вас принимает суеверный юнец, – чтобы вы поняли меня правильно.

**Томас.** Джек считает мою работу ненужной, видит в ней что-то мертвое; мне больно такое слышать. Тот, кто кладет кирпичи и скрепляет их раствором, делает что-то зримое, его работу не назовут призрачной. Мой же взгляд устремлен далеко, в Далекое...

130

**Уолмсли.** Мы, мистер Чаттертон, люди простые. Нам с вами остается обговорить арендную плату. Вы отныне будете один занимать лучшую комнату в доме, и наценка вполтину прежней квартплаты кажется мне справедливой. Итак, вместо трех шиллингов в неделю, как прежде, вы теперь будете платить четыре шиллинга и шесть пенсов.

**Томас.** Договорились, мистер Уолмсли. Что касается моего старого долга –

**Уолмсли.** Это не срочно, сэр. Молодые люди порой попадают в затруднительное положение... Так что не тревожьтесь.

**Томас.** Очень любезно с вашей стороны.

**Уолмсли.** Не примите сказанное в обиду, прошу вас. Мальчишка прожужжал мне все уши... На сем разрешите откланяться.

*(Уходит.)*

**Томас** (*пишет*)<sup>20</sup>.

Новые стихи, даже если они хороши,  
не принесут прибыли книжной лавке:  
кости поэта, живого, продают за гроши,  
за мертвые кости – дерутся у катафалка.

(*В дверь стучат.*)

**Томас.** Почему мне не дают работать?! Неужто помехам не будет конца? Входите – прошу вас!

131

(*Входит Мария Рамси в дорожном платье.*)

**Томас** (*вскакивает*). Мария – Мисс Рамси – Полли, любимая!

**Мария Рамси.** Томас! – Томас Чаттертон – обнимите же меня!

**Томас** (*обнимает и целует Марию*). Вы в Лондоне. Из Бристоля сюда! Я уже потерял надежду.

**Мария.** Я должна раз и навсегда освободить вас от ревности. Перестаньте преследовать бедного Фаулера сатирическими стихами! Да, он молится на меня. Но это, в конце концов, его право – учитывая, что я совсем не дурнушка и вообще многим нравлюсь.

**Томас.** Полли!

---

20 Далее цитируются строки из стихотворения «Аукцион», которое предположительно приписывается Томасу Чаттертону.

**Мария.** Я не была любовницей Фаулера, если хочешь знать.

**Томас.** Зато теперь станете моей возлюбленной!

**Мария.** Томас... Вот я и приехала. Я ведь тогда, в Бристоле, обещала тебе.

132 **Томас.** Мария... Полли... Пусть тотчас повторится то, что было между нами в прощальный вечер.

*(Снова обнимает ее.)*

**Мария.** Томас... Я должна сразу же ввести твою... и мою радость в определенные рамки: я останусь в Лондоне только на три дня.

**Томас.** От такого ограничения радость поначалу только усилится.

**Мария** *(садится)*. Ты странный... Неприятельный... Я, конечно, не хочу становиться у тебя на пути...

**Томас.** Полли! Что за нелепая мысль!

**Мария.** Она не лишена основания.

**Томас.** Абсолютна лишена. И совершенно бессмысленна.

**Мария.** Не так давно – в последний день мая, если не ошибаюсь – Томас Чаттертон, сидя в «Кфейне Тома», написал своей сестре пространное письмо, где был такой постскрипtum: «В эту ми-

нугу мое сердце пронзили черные глаза некоей молодой дамы, проезжающей в наемном экипаже мимо меня. Если Любимая соизволит остановиться, ты узнаешь об этом из следующего письма».

**Томас.** Так значит, именно ревность была причиной твоего приезда сюда – или, по крайней мере, его ускорила?

**Мария.** Может быть. Я хотела посмотреть, как ты живешь. Я правильно запомнила содержание письма?

133

**Томас.** Правильно, но не полностью. Отсутствует продолжение. Которого *не было*, разве что такое: наемный экипаж проехал мимо, и эту даму я больше не видел.

**Мария.** Если, конечно, ты меня не обманываешь...

**Томас.** Я влюблен, в самом деле влюблен. Но пусть дьявол меня заберет, если я признаюсь, в кого.

**Мария** (*сухо*). Мне ты обязан сказать.

**Томас.** В мисс Марию Рамси – в тебя, Полли!

**Мария.** Томас... Ты сбиваешь меня с толку зигзагами своей речи. Я, в конце концов, знаю, что ты относишься к девушкам не так уж серьезно. Мисс Тэтчер вскоре выйдет замуж за мистера Льюиса, и обитатели Рэдклифф-стрит полагают, что виновник такой спешки – Томас Чаттертон. Твои чувства к мисс Уэбб тоже наверняка еще не

остыли, хоть между вами и произошла ссора. А какие связи ты завязал в Лондоне, вообще никому не известно.

**Томас.** Полли, я многоречив, когда дело касается грубых ощущений; но любовь для меня есть нечто *одиночное*.

134 **Мария.** Со словами ты обращаться умеешь. Что ж, поверю тебе на слово. Но при всей своей доверчивости я остаюсь человеком разумным. Моя увлеченность тобою – подлинная. Находиться в тени твоих серых глаз: это и заманчиво, и не лишено жутости. Но я бы не пустилась на авантюру с тобой, если бы меня не любил Фаулер. Потому что ты *ненадежен*. Твоя репутация в Бристолле *немногим лучше, чем наихудшая*.

**Томас.** Значит, можно считать раз и навсегда доказанным, что я числюсь врагом этого почтенного торгового города – человеком пропащим, отверженным. Влиятельные владельцы банков и кораблей, которые шесть дней в неделю торгуют рабами, перцем, чаем, пенькой, кожами и пивом, чтобы на седьмой день поехать в экипаже в церковь – потому что Бог, по их мнению, обидится, ежели они отправятся туда пешком, – эти господа презирают искусства, ненавидят их и борются с ними, ополчаясь прежде всего против свободы духа. Поэзия, музыка, живопись – для них все это чепуха, так же как и мертвые негры: сотни тысяч жертв охоты за человеческим товаром. Все, что отмечено бедностью, для них – грязь под ногами. Поднимая глаза к небу, они забывают о воних своих бухгалтерских книг.

**Мария.** Успокойся, прошу. Мы говорим не о бедных и богатых, а о людях, которые тебе преданы – или *были* преданы – и к которым ты испытывал... или испытываешь по сей день... такие же чувства.

**Томас.** В Колстонской школе и позже, когда стал учеником писца, я имел хороших друзей: мальчиков постарше, но более ребячливых, которые защищали меня от внутреннего одиночества – тем, что всегда признавали своим и любили. Потом пришло взросление: тот перелом, который навязывает нам Природа. Я, чтобы спасти свою гордость, начал подчинять себе девушек. Уильям Смит так и не сумел этого понять; его брат легче покорился Природе. Ты тоже не хочешь простить мне попытку раскрыть свои лепестки?

**Мария.** Оставим этот разговор. Уильям Смит уехал из Бристоля.

**Томас.** Завербовался на корабль?

**Мария.** Такого мы не слышали. Один вопрос: ты всегда живешь среди бумажного мусора?

**Томас.** Тебе не нравится, что мы находимся у меня в мастерской?

**Мария.** Неужели здесь нет никого, кто мог бы подмести пол?

**Томас.** А как же... Мне даже пришлось попросить хозяйку, чтобы она убирала пореже. Со всем недавно я отослал мадам Уолмсли, домовладелицу, потому что она мешала мне работать. Она скоро заглянет еще раз и наведет здесь уют.

**Мария.** Ты много работаешь?

**Томас.** До изнеможения, Полли. Журналы опустошают мой ум. Я уже плохо соображаю, что пишу. Переделываю каждую статью по два, по три раза, потому что формулировки мне больше не удаются. Образы, которые крутятся в голове, – заурядные. Я повторяюсь. Мыслю по-прежнему ясно, но *нужные слова* не находятся. Мое нынешнее состояние приводит меня в отчаянье.

136

**Мария.** А в письмах ты хвастаешься шикар-ной жизнью, которую будто бы здесь ведешь...

**Томас.** Могу ли я писать домой по-другому? Не исключено, что я вообще оцениваю ситуацию неправильно. Может, я стою на пороге славы... или на краю гибели.

**Мария.** Но хоть доходы у тебя приличные? Одет ты, во всяком случае, как джентльмен, да и родным – на Редклифф-стрит – прислал дорогие подарки.

**Томас.** Гордость не позволяет мне мелочиться. Кроме того: я должен их успокоить, ведь в мой талант они не верят. А я, между прочим, недавно продал авторские права здешнему оперному театру. Мистер Люффман Аттербери заплатил мне 5 гиней и 5 шиллингов наличными. Арией «Спешите на волю, в лесистый край...», которую спел – еще до премьеры – мальчик Чени, восхищается весь Лондон... Это успех, Полли! Но были и разочарования. Все журналы выходят в конце месяца, их владельцы не спешат расплатиться с авторами.



Многое остается неоплаченным. Кто пишет *против* правительства, не может рассчитывать на регулярные заработки.

**Мария.** Так значит, и Лондон для тебя неблагоприятен?

**Томас.** Не здешние люди и не здешние улицы заставляют меня чувствовать себя побежденным. Когда какая-нибудь девушка или молодой человек насвистывает мою песню, я готов заплакать. Но на мне тяжкими оковами висит бедность. Я выходец из низов. Зарабатываю на пропитание, и мне не хватает времени для стихов. Я сплю здесь меньше, чем когда-либо прежде. Мужское естество тоже требует своего...

137

**Мария.** А в Бристоль ты вернуться не хочешь? Думаю, здесь ты окружен опасностями.

**Томас.** Путь *оттуда сюда* имеет – для меня – лишь одно направление.

**Мария.** Я-то буду жить в Бристоле, не в Лондоне.

**Томас.** Если я загублю свой талант... если принадлежу к числу *званных, но не избранных*... если однажды мне придется бороться за элементарное выживание... и все грезы будут у меня отняты: тогда я попытаюсь найти себе место судового врача. Я попытаюсь использовать знакомство с сэром Джорджем Колбруксом, директором Ост-Индской компании. Я уже написал Барретту и настоятельно попросил, чтобы он достал мне патент

врача хотя бы низшей категории: ему ведь известно, что в анатомии я разбираюсь. Сам он начинал медицинскую карьеру как зубодер и ученик аптекаря... Но я не пушусь в странствия по морям, если будет хоть какая-то возможность остаться на суше.

**Мария.** Наша беседа вдруг приняла зловещий характер.

138

**Томас.** Мне еще надо в город, отдать рукопись. Хочешь пойти со мной?

**Мария.** С удовольствием, Томас.

**Томас.** Я покажу тебе интересные здания, познакомлю с влиятельными людьми.

**Мария.** А как мы устроимся? Мне пока оставить саквояж здесь?

**Томас.** Конечно, Полли... Расставаться не придется. В этой комнате я живу один. Только надо довериться мистеру Уолсли: он человек понимающий и симпатизирует мне. Кузина Баланс живет на отшибе. Хозяйка наведет здесь уют. Сплетен не бойся. Лондон это тебе не Бристоль... Полли, какие счастливые нам предстоят дни...

*(Оба уходят.)*

**Мальчик Чени** *(поет перед закрывшимся занавесом).*

Away to the Woodlands, away...

I

Away, to the Woodlands, away,  
The shepherds are forming a ring.  
To dance, to dance to the honour of May  
And welcome the pleasure of Spring.  
The shepherdess labours a Grace  
And shines in her Sunday array.  
And bears in the bloom of her face  
The charms and the beauties of May.

139

II

Away, to the Woodlands, away,  
And join with the amorous train;  
'Tis treason to labour today,  
Now Cupid and Bacchus must reign.  
With garlands of Primroses made  
And crown'd with the sweet blooming spray  
Thro' woodland, and meadow, and shade  
We'll dance to the honour of May.

I

Спешите на волю, в лесистый край:  
Хороводы всюду уже сплетены,  
Все хотят плясать, прославляя май  
И блаженство дивной весны.  
Пастушка любая достойна венца,  
В воскресных одеждах блистая:  
В цветочном бутоне ее лица  
Вся прелесть и грация мая.

## II

Спешите в лес, там найдете вы всех,  
Включайтесь в общий любовный гон.  
Работать сегодня – великий грех:  
Купидон и Вакх свой правят закон.  
Гирлянды из примул уже сплетены;  
Цветы в косы девам вплетая,  
Себя опьяняя дыханьем весны,  
Мы спляшем в честь нового мая.

140

ПЯТНИЦА, 24 АВГУСТА 1770 ГОДА.  
39 БРУК-СТРИТ, ХОЛБОРН

*Мансарда с двумя окнами в доме миссис Эйнджел.  
Обычная односпальная кровать и односпальная  
кровать с балдахином. Стол, стулья, письменные  
принадлежности, бумаги.*

*Арран лежит в кровати под балдахином, Нэнси  
Брокидж – на другой кровати. Оба спят.*

*Время близится к вечеру.*

**Томас Чаттертон** (*входит; окидывает  
взглядом комнату, спящих, свои бумаги; читает  
с листа вслух*).

Наг я и без друзей, одиночество – мой покров,  
место всякое счастья давно для меня закрыто.

Дух поврежден, тоскою измучен, суров –

Слезы лицо запятнали, будто оно неумыто.

.....

*(Обрывает чтение, подходит к кровати под  
балдахином.)* Арран, уже вечер. Тебе пора, вста-  
вай!

**Арран.** Ночь долгая. Дай мне понежиться еще хоть четверть часа.

**Томас.** Что ж, насладись последними минутами в тепле.

**Арран** (*переворачивается на другой бок*). Я наслаждаюсь... наслаждаюсь... постель...

**Нэнси Брокидж.** Пусть этот невежа поднимется, чтобы я могла спокойно одеться.

141

**Томас.** Если вы проснулись, мисс Нэнси, то, будьте так добры, встаньте на сей раз первой!

(*В дверь энергично стучат, входит миссис Эйнджел.*)

**Миссис Эйнджел.** Я полагаю, что могу войти, не обременив вас...

**Томас.** Прошу, миссис Эйнджел –

**Миссис Эйнджел.** Я к вам по делу, мистер Чаттертон. Мне только что – в лавке – рассказали, что вы хотели у булочника, напротив, купить буханку хлеба в кредит. Вам отказали. Подозреваю, что в кармане у вас нет ни шиллинга. У вас, должно быть, дня два не было во рту ни крошки...

**Томас.** Что булочник отказал мне в хлебе, тут нет ничего особенного; что он болтает об этом – унизительно.

**Миссис Эйнджел.** Кто попал в беду, не должен задирать нос. Интересно, какие обстоя-

тельства довели вас до такого состояния? Когда вы поселились у нас два месяца назад, от вас исходил скорее аромат достатка, чем запах бедности. Вы прежде жили у родственницы, которой наверняка платили за пансион не слишком много; но предпочли переплачивать – ради той свободы и тех удовольствий, которыми пользуетесь у нас. Однако вот уже четырнадцать дней, как вы задолжали квартплату... и плату за персональное обслуживание.

**Томас.** Вот уже четырнадцать дней, как я не претендую на персональное обслуживание.

**Миссис Эйнджел.** Чем вы занимаетесь, мистер Чаттертон, я не имею возможности проследить, да и не желаю этого знать.

**Томас.** Я работал, работал день и ночь – писал. К счастью, постояльцы, которые спят здесь днем, не имеют привычки храпеть. Они лежат на кроватях, как деревянные чушки.

**Миссис Эйнджел.** Если обрывки бумаги, которые валяются всюду, считать результатом вашей деятельности, то вы сказали правду.

**Томас.** Комическую оперу, предстоящая премьера которой вселяет в меня большие надежды, пока даже не репетируют. Хотя музыка к ней готова. Струнные, флейты, рожки, гобои, кларнеты, фаготы, клавиесин – –

**Миссис Эйнджел.** Мы верим вам, что это исправит ситуацию; мы же не изверги...

**Томас.** Приходится проявлять терпение –

**Миссис Эйнджел.** Почему вы не остались в доме Уолсли? Там вам было бы легче проявлять терпение.

**Томас.** Вспомните, миссис Эйнджел: 21 июня умер от апоплексического удара Уильям Бекфорд, лорд-мэр. Нас с ним многое связывало. Общие политические задачи... Мое перо всегда было готово ему служить. И тут нашим совместным планам пришел конец. Узнав о его смерти, я *закричал*. Моя кузина, миссис Баланс, стала свидетельницей некрасивой сцены – случившейся со мной истерики. Когда я успокоился, она, не подумав, принялась в очередной раз меня убеждать: я, дескать, должен найти себе нормальную гражданскую должность... то бишь предать свой талант. Она говорила и говорила, не слушая моих возражений. А ведь стоило ей проявить хоть немного чуткости, и я вспомнил бы о других – поэтических – замыслах. Но в той ситуации хотелось прежде всего освободиться от ее мелочного надзора, стряхнуть с себя тягостную опеку, обрести свободу.

143

**Миссис Эйнджел.** Какие же у вас виды на будущее?

**Томас.** Прошу вас, миссис Эйнджел, не тревожьтесь о квартплате. В ближайшее время мое положение изменится к лучшему. Свою писательскую сноровку я направил к другим целям. Две новые комические оперы уже в работе –

**Миссис Эйнджел.** Мистер Чаттертон... Мы ведь сейчас разговариваем вполне откровенно

но... Вы возбуждаете наше сострадание. Наш дом ценит вас как приятного человека. Я предлагаю вам отужинать вместе со мной, чтобы вы наконец наелись досыта. Мы могли бы потом в приятной обстановке устранить вашу задолженность нам.

**Томас.** Мадам Эйнджел... Я не могу... Не смею...

144

**Миссис Эйнджел.** Чего вы не можете? Чего не смеете? Отужинать со мной? Приятно провести время? И вам не стыдно такое говорить? Или прежде вы не навещали меня на моей половине? Или – до умопомрачения втрескались в эту куклу, неумелую первогодку?

**Томас.** Дело не в том. Вы должны меня извинить. Я не могу объяснить подробнее; но у меня имеются причины – вполне конкретные, важные...

**Миссис Эйнджел.** Отказ есть отказ. Я не настолько глупа, чтобы не понять... Я полагаю, плоды ваших поэтических занятий уже настолько созрели, что завтра вы вернете нам долг.

*(Миссис Эйнджел уходит.)*

**Томас.** Мадам Эйнджел!

**Нэнси Брокидж** *(выпрыгивает из постели и, разговаривая с Томасом, начинает одеваться).* Не понимаю, Томас, почему ты не захотел сделать хозяйке приятное. Ты бы наелся досыта; и долги она бы тебе простила. Она недурна собой, не старая и не взбалмошная.



**Томас.** Нэнси, это невозможно... Я не могу... Не потому, что она мне неприятна... просто я болен. Я подцепил стыдную болезнь.

**Нэнси.** Я почти догадалась. Твоя сдержанность в последнее время слишком бросалась в глаза. Утешься: это вылечивается; или... к этому привыкаешь.

**Томас.** Мистер Кросс, аптекарь, дал мне каломель и витриол.

145

**Нэнси.** Мистер Кросс, аптекарь... Правильно. Он человек умный и опытный; можешь на него положиться. Он уже многих избавил от этой напасти... Я объясню мадам Эйнджел, почему ты вел себя нелюбезно.

**Томас.** Ей – ни слова. Даже не намекайте. Я запрещаю!

**Нэнси.** Если я промолчу, тебе будет хуже.

**Томас.** Со всеми неприятными проблемами я вскоре разберусь, не сомневайтесь.

**Нэнси.** Меня радует, что ты в этом так уверен... Я собралась. Ухожу. Увидимся завтра.

*(Поспешно целует Томаса и уходит.)*

**Арран** *(вылезает из-под балдахина, одевается)*. Мистер Чаттертон... Ваша печаль пугает меня. Она тянется издалека.

**Томас.** Арран... Всякая беда тянется издалека. Она была выслана против нас уже очень дав-

но – и только теперь нас настигнет. Бедность, наша бедность очень стара. Ей много тысяч лет. Мы с незапамятных времен рабы. Кто еще может верить в Бога? Ревниво карающего нас за радость – болезнь?

**Арран.** Держите. У меня есть шиллинг. На хлеб, по крайней мере, вам хватит.

146 **Томас.** Спасибо, Арран; но твой шиллинг я не возьму.

*(Отдает монету.)*

**Арран.** Думаете, я заработал его грязным способом?

**Томас.** Голодающим, беднякам *позволено всё*. Судить их никто не вправе. Нет, Арран, эта монета чиста в той же мере, что и любая другая.

**Арран.** Значит, вы слишком горды, чтобы взять деньги у хастлера?

**Томас.** Да, я горд. Это отговорка, оправдывающая мои дурные поступки. Но я вообще больше не хочу быть Томасом Чаттертоном.

**Арран.** Наверное, ни один человек не может стать кем-то другим, сэр. И потом, ваша натура все-таки предпочтительнее... моей, к примеру.

**Томас.** Чем же? Интересно узнать.

**Арран.** Имей я ваши серые глаза... Я хотел сказать: ваш взгляд, ваше лицо... или как это называется... Мне бы не пришлось так усердство-

вать, чтобы рекламировать свою круглую задницу. Лицо у меня плоское, как сковорода, – это многие говорили. Я был зачат в кровати поденщика... если, конечно, там было что-то вроде кровати. Лоб мой часто собирается в складки, волосы рыжие. А ноздри настолько широкие, что в них попадает дождь. Чем я заслужил, что родился таким нескладным? Что у меня нет родителей? Что я, сверх того, постоянно боюсь – боюсь еще худших бед?

*(Он беззвучно плачет.)*

147

**Томас.** Арран... Арран... Да, мы отребье. Чей-то эксперимент, причем неудавшийся. Наш удел – бесправие. А гордость... мы ведь заговорили о гордости... дает единственный спасительный шанс. Когда кто-то один не захочет терпеть унижения... перестанет глотать обиды... откажется от тех крох надежды, что порой выпадают и нам, беднякам, и ничего больше для себя не потребует... кроме по праву принадлежащего всем: неба... Тогда мы, высоко подняв головы, узнаем: не разочарует ли нас *и оно*.

**Арран** *(раскуривая трубку)*. Я понял не все, что вы сказали, сэр. Но сейчас мне пора спускаться.

*(Уходит.)*

*Тем временем стемнело. Томас Чаттертон зажигает свет.*

**Томас** *(пишет)*. «Кто осужден на горькую нужду, на беды...» Нет! Стихи, как проявление жалости к себе, – с ними должно быть покончено. С *Томасом Чаттертоном* должно быть покончено. Голод в желудке и гной в промежности... гул в го-

лове... этот страх... это промедление, хотя единственная гложущая воля, нацеленная на то, чтобы обеспечить мне окончательный покой, пронизывает меня и мои кровеносные сосуды... – *покончить со всем этим!* Протесты, делириум смертного страха, ужас перед последней болью – *(Он снова начинает писать.)*

148

«Мистеру Уильяму Бредфорду Смиту –

Непогрешимый доктор, а в прошлом мое лекарство, примите это послание во искупление долгой немоты. Ваша просьба – чтобы я дал о себе знать – была бы давно исполнена, если бы я понимал, как целесообразней всего писать стихи: сочинить ли *кармен-гендекасиллаб*<sup>21</sup>, или *гексастихон*<sup>22</sup>, или *огдастихон*<sup>23</sup>, и, опять же, – *тетраметром*<sup>24</sup> или *септенарием*<sup>25</sup>. Соболаговолите услышать, что я уже давно страдаю от поэтической *кефалопонии*<sup>26</sup>, сиречь тяжести в голове, так что лучше я сразу начну с *акростиха*, но от него плавно перейду к *тренодии*, сиречь надгробному

---

21 Песню-одиннадцатисложник (латинск. и древнегреч.).

22 Стихотворение из шести строк (древнегреч.).

23 Стихотворение из одиннадцати строк (древнегреч.).

24 Тетраметр – античный стихотворный размер, состоящий из четырех диподий (двойных стоп).

25 Септенарий – усеченный на один слог (одну стопу) тетраметр.

26 Начиная с этого места Янн, продолжая цитировать подлинное письмо Томаса Чаттертона, дополняет его пояснениями к непонятным словам, построенными по схеме: «сиречь ...».

плачу. Это стихотворение могло бы звучать так: первая строка – *акаталектус*, сиречь совершенно чистый стих; вторая – *этиология*, сиречь исследование причины того, о чем говорилось в первой строке; третья – *акирология*, сиречь неправильный способ письма; четвертая – *эпаналепсис*, сиречь повторение предыдущей строки, с перехлестной рифмовкой; пятая – *диатипосис*, сиречь наглядное изображение красоты; шестая – *дианоресис*, сиречь смущенная болтовня успеха; седьмая – *брахикаталектон*, сиречь такой стих, у которого в конце чего-то не хватает; восьмая – *экфонезис экплекси-са*, сиречь вскрик удивления. Короче: *эмпориум*, сиречь склад в мозгу, не может выдержать большего *синхизиса*, сиречь случайного умножения слов, без *сизизии*, то есть, скажем так, накопления неблагоприятных факторов. Я поэтому решил отказаться от Парнаса и советую Вам поступить так же, а взамен углубиться в *мистику мыловарения*. Только не думайте, будто моей целью – когда я упоминаю мыло – является *миктеризм*, сиречь издевка. Нет: Мнемозина, богиня памяти, помогает мне распознать все ваши великие заслуги (поскольку я не страдаю *амблиопией*, сиречь близорукостью), и они навечно останутся в моей памяти,

*Hasmot Etchaorntt<sup>27</sup>»*

Уильям – теперь те ночи, когда я спал с тобой, и дни, проведенные на редклиффских лугах, где я читал тебе стихи Роули, раз и навсегда *вычеркнуты*. *(Он запечатывает письмо, рвет лежащие на столе бумаги, бросает обрывки на пол. Потом берет стакан с водой, высыпает туда мышьяк, кла-*

---

27 Анаграмма имени Томас Чаттертон (Thomas Chatterton).

*дет рядом опиум.) Ну вот и все. Если существует божественная милость, я прошу для себя этой милости<sup>28</sup>. (Выпивает яд. Облизывает губы, ждет с боязливым удивлением, через минуту сбрасывает камзол, падает, скривив лицо, на кровать, снова вскакивает, хватается за живот, сгибается пополам.) Боль – нестерпимая боль – кто ее выдумал, эту боль? Кто создал эту адскую действительность? Я сгораю внутри. Кто за это в ответе? – Кто? (Он за-  
талкивает в рот опиум, кашляет, давится блевотиной, валится на постель, сует в рот подушку, извивается, рвет на себе рубаху, скатывается с кровати на пол.)*

**Абуриэль** (входит в дорожном костюме, гасит свечи, приближается к самой рампе). Будет и продолжение. Придет проверяльщик трупов. Тело отвезут на кладбищенский участок при рабочем доме на Шу-лейн и сбросят в облицованную кирпичом яму, где до него успели побывать многие; и ночью гробокопатель продаст этого мертвеца торговцу трупами, потому что молодые покойники анатомам нравятся больше, чем старые... Когда восемнадцатилетний юноша, отмеченный гением, угасает, голодный и вытолкнутый из жизни, остаются виновные в его смерти. Бедняки, которые ничем не владеют, должны быть оправданы. Власть-имущих же, собственников, господ, набивающих

---

28 В записной книжке Чаттертона датой 24 августа 1770 г. помечены «Последние стихи», которые заканчиваются двустихием:

«Смилуйся, Небо! И коль с жизнью мне суждено  
распроститься,  
Пусть преступление это последнее – из нужды –  
мне простится».

себе желудок, можно и нужно спросить: ожидаете ли вы, что не облеченный властью ангел, который дается в спутники Призванному, будет торговать, красть, грабить, обманывать, убивать вам подобных, чтобы сохранить одну ценную жизнь? Долг ангелов заключается в другом. Долг же людей – не взваливать на себя вину перед лучшими.

КОНЕЦ

**Три правды «Томаса Чаттертона»**

Читатель, не суди; если ты христианин, поверь, что его будет судить высшая сила – только перед этой силой он должен теперь держать ответ.

*(Из завещания Томаса Чаттертона, 14 апреля 1770)*

«Томас Чаттертон» – вторая и последняя историческая драма Ханса Хенни Янна (1894-1959). В 1917-м, в двадцать три года, Янн начал писать «Коронацию Ричарда III» (опубликована в 1921-м), вступив в соревнование с самим Шекспиром и достойно это соревнование выдержав. Янн, как в свое время и Шекспир, в период работы над драмой читал хроники Холиншеда и, по его собственной оценке, «(в отличие от Шекспира) сделал все, чтобы не затушевать этот более верный образ Ричарда III» (статья «Мое становление и мои сочинения»<sup>29</sup>, 1948/1949).

---

29 Mein Werden und mein Werk, in: Hans Henny Jahnn. Werke und Tagebücher, Bd. 7. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1974.



В драме «Томас Чаттертон» (1955) тоже прежде всего поражает тщательность работы автора с историческим материалом, *правдивость сценических образов и деталей быта.*

Жизнь рано погибшего английского поэта Томаса Чаттертона (1752-1770) можно реконструировать по довольно большому количеству дошедших до нас документов. Это не только его произведения, но и письма друзьям, матери и сестре, расписки в получении гонораров и прочее. Кроме того, сразу после смерти Чаттертона сэр Герберт Крофт, позже включивший жизнеописание поэта в свой роман «Любовь и безумие» (*Love and Madness*, 1780), начал собирать сведения о нем, опрашивая людей, хорошо его знавших. Прочитав старое английское исследование о Томасе Чаттертоне<sup>30</sup>, я увидела, что, например, весь эпизод с малолетним Джеком, боящимся спать в одной постели с поэтом, составлен из записанных Крофтом рассказов миссис Баланс (родственницы матери Томаса) и членов семейства Уолмсли:

Миссис Баланс говорит, что он [Томас Чаттертон. – Т.Б.] был гордым, как Люцифер. Он очень скоро с ней поругался, потому что она называла его кузеном Томми, – и спросил, слышала ли она, чтобы какого-нибудь поэта звали Томми; но она его заверила, что вообще никаких поэтов не знает... Когда она посоветовала ему устроиться в какую-нибудь контору – после того как он прожил в городе две или три недели, – он начал носиться по комнате, словно сумасшедший... Он часто

---

30 David Masson. Chatterton: A Story of the Year 1770. Edinburgh, 1874.

оцепенело смотрел в лицо какому-нибудь человеку, не произнося ни слова (иногда казалось, что он этого человека видит), и так продолжалось четверть часа или больше, пока присутствующим не становилось страшно...

Миссис Уолмсли рассказывает... что он никогда не позволял подмести комнату, где он читает и пишет, ссылаясь на то, что поэты-де ненавидят веники; а она говорила в ответ, что не знает, на что годны поэты – разве что сидеть в грязном шлафроке и колпаке в мансарде и когда-нибудь помереть с голоду...

Племянница [кузины Баланс; она же – дочь супругов Уолмсли. – Т.Б.], со своей стороны, говорит... что он никогда не притрагивался к мясу, а пил только воду и жил, казалось, одним воздухом... Что он имел привычку сидеть почти всю ночь, читать и писать; и что ее брат жаловался: ему, мол, страшно лежать с ним рядом – потому что он наверняка дух, раз никогда не спит...

Племянник [в пьесе его зовут Джек. – Т.Б.] говорит... что раз или два видел, как тот вытаскивает из кармана бараний язык; что Чаттертон, насколько он знает, никогда не спал, лежа с ним рядом; ложился он в постель очень поздно, порой в три или четыре утра, и всегда уже бодрствовал, когда просыпался он (племянник) и вставал в то же время, около пяти или шести; что почти каждое утро пол был усеян обрывками бумаги, не больше шестипенсовика, потому что, прежде чем лечь, он рвал написанное.

Возлюбленные Томаса в пьесе – мисс Сингер, мисс Уэбб, мисс Тэтчер – это те девушки, которым Чаттертон просит передать привет, когда пишет

из Лондона родным. Марию Рамси упоминает сестра Чаттертона, рассказывая – уже после смерти брата, – что тот вел с ней обширную переписку. Когда Мария – в пьесе – ссылается на письмо Томаса, где тот рассказывает о своей внезапной влюбленности в даму, которая проехала мимо него в экипаже, Янн дословно цитирует строки из письма Чаттертона сестре.

Таинственный «Мастер Чени, поющий мальчик» – упоминаемый в одной афише певец лондонского театра «Мэрилебон гарденс» (принадлежавшего мистеру Аттербуи), который должен был исполнять роль Купидона в бурлеске Чаттертона «Мечь», так и не поставленном при жизни автора.

Миссис Эскинс (настоящее имя Эдкинс) – вдова бристольского художника и стекольщика, хорошо знавшая семью Чаттертонов и впоследствии рассказавшая о ней много подробностей.

Даже старая миссис Чаттертон с ее неизменной трубкой не придумана, потому что в одном из писем родным Томас пишет, что послал в подарок «бабушке немного британского терпкого табаку и курительную трубку».

Сравнительно менее достоверна (лучше сказать: меньше подтверждена источниками) обстановка в доме миссис Эйнджел, представленная в последней сцене пьесы. Нет сведений, что Чаттертон в этот короткий период делил комнату с проституткой и хастлером. Но о самом районе, куда он переехал, Янн в статье «К трагедии *Томас Чаттертон*»<sup>31</sup> (1954) пишет: «Мы не знаем, поче-

---

31 Zu Tragödie *Thomas Chatterton*, in: *Werke und Tagebücher*, Bd. 7.

му он сменил квартал, где жил прежде, на Брук-стрит. Хотел ли он подчеркнуть одинаковость положения поэтов и проституток, показать, что дух до такой степени отвержен? Или то была его последняя тщетная попытка обрести – еще при жизни – свободу?» Чаттертон действительно заболел венерической болезнью, судя по рассказам тамошнего аптекаря. А по словам одной женщины (тоже опрошенной сэром Крофтом), соседки миссис Эйнджел, та ей рассказала следующую историю:

...зная, что он ничего не ел последние два или три дня, она 24 августа предложила ему с ней поужинать, но он обиделся на употребленные ею выражения, намекавшие, как ему показалось, на его нужду, и заверил ее (хотя, судя по внешнему виду, потерял уже три четверти веса), что не голоден.

Это был последний вечер перед тем, как Чаттертон покончил с собой.

Что касается начального – бристольского – периода жизни Чаттертона, то и здесь Янн точно следует фактам. Интересно, что даже встречу с ангелом Абуриэлем нельзя считать чистым вымыслом. В статье Нильса Хёпфнера «Английский вундеркинд. К 250-летию со дня рождения Томаса Чаттертона»<sup>32</sup> (2002) приводится такой отраженный в источниках эпизод: восьмилетний Томас просит человека, который хочет расписать для

---

32 Nils Höpfner. Ein Wunderkind aus England. Zum 250. Geburtstag von Thomas Chatterton am 20. November 2002 (публикация в Интернете).

него чашку: «Нарисуй мне ангела с крыльями и барабан, чтобы барабанная дробь разнесла по всему миру мое имя!»

В восемь лет, в 1760 году, Томас стал учеником Колстонской школы. «Там старшие ученики спали по двое в одной кровати, младшие – по трое», пишет Янн в статье «К трагедии *Томас Чаттертон*». Тогда-то и завязывается дружба Чаттертона с Томасом Кэри (который потом напишет элегию на его смерть), с сыном пивовара Уильямом Смитом (он проживет почти до девяноста лет и умрет в 1836-м, а работать будет – после 1800-го – вахтером в бристольском театре) и с младшим учителем, знатоком поэзии Томасом Филлипсом; позже другом Томаса станет и брат Уильяма Питер... С четырнадцати лет Чаттертон сочиняет стихи.

157

В 1767-м начинается ученичество у адвоката Ламберта, в доме которого Томас оказывается чуть ли не на положении лакея. С 1768-го он пишет стихи и драмы в стихах от имени монаха XV века Томаса Роули, одновременно занимаясь подделкой старинных документов, и примерно в это же время основывает кружок «молодых людей, которые называли себя “Spouting Club”<sup>33</sup> и по своей политической направленности были революционерами, ранними предшественниками внепарламентской оппозиции» (Нильс Хёпфнер).

О смерти друзей Чаттертона мы узнаем, среди прочего, из его стихов – «Элегии на смерть мисте-

---

33 Слово *spouting*, согласно английскому толковому словарю 1811 года, означает «театральная декламация». Там же говорится, что молодые люди из низших сословий создавали «декламационные клубы», где разучивали различные роли, чтобы позже предложить свои услуги странствующим театральным труппам.

ра Уильяма Смита» [переадресованной Питеру] и «Элегии на смерть мистера Филлипса» (оба умерли в 1769-м).

«Завещание» Чаттертона, которое послужило основанием для разрыва договора с адвокатом Ламбертом, тоже сохранилось. Это ернический текст, который почти сплошь состоит из личных нападок на господ Барретта, Кэткота и Бергема, на должностных лиц Бристоля, на сам этот город. Приведу из него несколько фраз:

158

...Если после моей смерти, которая произойдет завтра ночью до восьми часов, сиречь в праздник Воскресения, коронер и присяжные доведут дело до полного лунатизма, я желаю и распоряжаюсь, чтобы Пол Фарр, эсквайр, и мистер Джон Флауэр, совместно оплатив расходы, похоронили тело в гробнице моих предков и воздвигли над ним памятник высотой четыре фута пять дюймов...

Я завещаю всю свою энергию и пламя юности мистеру Джорджу Кэткоту, поелику чувствую, что он в них весьма и весьма нуждается...

Бристолю я завещаю, целиком, свое духовное начало и бескорыстие – тюки с товарами, которых в этом портовом городе не видали со времен Кэнинга и Роули<sup>34</sup>! <...>

Преподобному мистеру Кэткоту я завещаю немного своего свободомыслия, дабы он вздел на нос очки разума и убедился, на какой низкий обман он попался, поверив в

---

34 Уильям Кэнинг, глава городского магистрата в Бристоле XV века, покровитель и друг монаха Томаса Роули, – персонаж произведений Чаттертона.

буквальный смысл Священного Писания. Я желаю, чтобы он и его брат Джордж поняли, в какой мере они могут видеть во мне подлинного врага...

Я оставляю юным леди все письма, какие они когда-либо получали от меня, с клятвенным заверением, что им не нужно опасаться появления моего призрака, потому что умираю я не ради какой-то из них...

Я оставляю мать и сестру на попечение моих друзей, ежели у меня имеются таковые.

Составлено в присутствии Всеведущей Силы, сего дня 14 апреля 1770 года.

159

Тос. Чаттертон

По поводу Бристоля замечу еще, что и ситуацию в этом городе – в эпоху, когда там жил Чаттертон – Ханс Хенни Янн хорошо себе представлял, как видно из статьи «К трагедии *Томас Чаттертон*»:

Население Бристоля, места рождения Чаттертона и в то время второго по величине города Англии, в 1750 году составляло 36000 жителей в черте городских стен; в пригородах, за городскими воротами, жило еще 7000 человек... Один наблюдатель в 1724 году писал: «В Бристоле даже священники разговаривают исключительно о торговле или о том, как пустить в рост деньги»... Обратная сторона всего этого: грязь и бедность... На тесных темных улицах с горькой неотвратимостью осуществлялась свобода тех, кому нечего терять. Кулачные побоища на улицах, среди бела дня, стали любимым спортом бри-

стольцев... Город славился не только несколькими трактирами, но и пятью площадками для петушинных боев. Жестокость как повседневность. Тяжкие преступления, бесчинства, жуткие меры наказания, издевательства над животными, невежество, триумфы торговли и судоходства, совершенно отчаянное положение низших социальных слоев – все перечисленное относится к портрету этого успешного города, затмившего славу Нориджа... Чтобы ощутить атмосферу тогдашней Англии, нужно буквально, в реалистическом духе воспринимать даже самые жестокие листы Хогарта.

Упомянутые в пьесе избиения лошадей, садистское издевательство над собакой – подобные сцены действительно можно увидеть, например, на гравюрах Уильяма Хогарта из серии «Четыре стадии жестокости» (1751). Впрочем, и в современной Янну Европе ситуация в этом плане не очень изменилась, как он пытается показать в «Маленькой автобиографии» (1932)<sup>35</sup>:

Мне казалось очень сомнительным, что можно проповедовать заповедь «Не убий», одновременно разрешая производство взрывчатых веществ и такую практику, когда живых овцематок бичуют, чтобы они досрочно родили ягнят, чьи шкурки потом пойдут на шубы богатым дамам.

---

35 Опубликовано в: Ханс Хенни Янн. *Угрино и Инграбания* и другие ранние тексты. Тверь: Kolonna Publications, 2012 (перевод Татьяны Баскаковой).



Итак, жизнь Томаса Чаттертона изображена в пьесе Янна достаточно правдиво. Но сквозь эту правдивость просвечивает *другая правда*: молодого английского поэта Янна явно считал в чем-то родственным себе – так же как Чаттертон, очевидно, видел в монахе Томасе Роули, жившем задолго до него<sup>36</sup>, своего предшественника-двойника.

Дело в том, что и сам Янн начал писать очень рано, мучась от сознания своей несвободы, конфликта с окружающими. В «Маленькой автобиографии» он рассказывает об этом так:

161

В пятнадцать лет я начал сочинять литературные произведения... Я любого загонял в тупик своими жестокими, подростковыми, не допускающими компромиссов выводами...

В семнадцать лет я написал несколько драм. Редакторы из издательства Соломона Фишера придали мне мужества, посоветовав продолжать. Я был достаточно глуп, чтобы загореться надеждой на лучшее будущее, и некоторое время считал перо и бумагу лучшими изобретениями человеческого разума. Я расходовал их в огромных количествах. Сколько работ возникло в те, самые быстрые годы, я даже не могу точно сказать. Большинство из них уничтожено. В старших классах реального училища на набережной Императора Фридриха я готовился к выпускным экзаменам... Меня тогда занимала всемирная история в ее, с одной стороны, наиболее гармоничных, а с другой – наиболее

---

36 Монах Томас Роули упоминается в документах XV века, но поэтом он не был, и вся его биография – вымысел Томаса Чаттертона.

жестоких аспектах. Я был социалистом, по моим понятиям. Три последних тягостных года до выпускного экзамена пролетели как в пьяном чаду, были заполнены протестом, отвержением всяческих правил... Невозможно пересказать все частности тех мучений. Я выбросил свое благочестие за борт. Убежал из дому, странствовал по Северной Германии. Не имея никаких видов на будущее. Меня вернули. В итоге – полное истощение сил.

Вернувшись из Норвегии, куда он бежал со своим другом Хармсом в 1915-м, спасаясь от призыва на фронт, двадцатилетний Янн в 1920-м основывает – вместе с Готлибом Хармсом и молодым скульптором Францем Бузе – в Люнебургской пустоши, под Гамбургом, религиозную общину художников, поэтов и музыкантов, Угрино (просуществовавшую до 1926-го). Община эта занималась, среди прочего, и постановкой драмы Янна «Врач, его жена, его сын» (1922, премьера 1928). То, что в пьесе Чаттертон говорит об основанном им обществе, вполне могло бы относиться и к общине Угрино:

В пространстве внутренних представлений нет ничего запретного. Закрой глаза, и перед тобой раскинется просторная Природа, великий ландшафт Познаваемого-в-ощущениях. Наша религия – это уверенность в том, что мы держим оборону против всего мира. Я сотворен из глины и бедности. К бедности часто навевается в гости поэтическое искусство... Мы хотим для себя по меньшей мере *отщепенчества*. Хотим быть – *противниками*. Мы – пример для других, начи-

нающих с меньшим мужеством. Мы основали общество «барабанщиков» и в арендованной задней комнате одной корчмы построили для бедняков, которые прикованы к своим хозяевам-«наставникам», воображаемый храм: *святилище несовершеннолетних*.

А потому и полемика вокруг общества «барабанщиков» – в пьесе – имеет, как мне кажется, самое непосредственное отношение к судьбе общины Угрино и оценке современниками раннего творчества Янна:

163

**Уильям.** ...Мол, общество «барабанщиков» нужно распустить – хотя бы для того, чтобы не подвергать его членов опасности. Потом, лично ему осточертела перевозбужденная деятельность незрелых юнцов: неправильно понятая актерская игра, бессмысленные мишурные наряды. Поцелуи на сцене... имеют привкус похоти, искусство же они убивают фальшивым пафосом. <...> ...ты, по его словам, испытывал интерес лишь к атрибутам *мясницкого ремесла* – грубой картине человеческих мышц и органов, – тогда как высшие познания от тебя ускользали.

Томас в пьесе защищает этот юношеский подход к искусству:

Ричард Смит, видно, уже ощущает себя зрелым мужем? <...> Однако о мыслях, которые мыслятся внутри черепа, он ничего не узнает; больше того – поостережется что-то узнать. Ведь бедности по вкусу *бунтарство*.

Как и сам Янн позже защищал юношеский «пафос», юношескую бескомпромиссность своих первых драм (в статье «Мое становление и мои сочинения»):

164

Этот отрывок [из пьесы Янна «Пастор Эфраим Магнус». – Т.Б.] следует за крещендо точных и неприкрытых истолкований бытия, какие могут быть свойственны только духу несломленной, не униженной жизненными невзгодами юности... Юлиус Баб [автор первой рецензии на пьесу. – Т.Б.] дал себе труд по возможности спокойно выразить всеобщую неприязнь к моей работе. У него получилось примерно следующее: эту книгу, дескать, человечество должно хранить в шкафу с ядами и доставать оттуда, когда оно окажется на краю гибели, чтобы на негативном примере моего сочинения убедиться, что Бог есть Дух. Баб не понял, что пьесу написал двадцатилетний мальчишка; что этот мальчишка, в отличие от почти всех своих современников, распознал опасность, грозившую человечеству, и сформулировал ее суть; что он, в разгар так называемой Первой мировой войны, предсказал две следующие; и что человечество неминуемо окажется на краю бездны, потому что Дух, не имеющий связи с чувствами, может продуцировать только разрушительные истины...

Несомненно, «Пастор Эфраим Магнус» не лишен недостатков. Почти на каждой странице я отваживался на риск. В пьесе встречаются страшные слова и картины. Люди становятся местом действия для почти невыносимых событий. Но эти события, все без исключения,

взяты из реальности; они – часть человеческой истории и человеческой судьбы.

В числе черт, сближающих Чаттертона и самого Янна (и подчеркнутых в пьесе), – ненависть к расовой розни. Нильс Хёпфнер пишет о Чаттертоне: «...в какой-то момент [после самоубийства Питера Смита в августе 1769 года. – Т.Б.] он стал открыто протестовать против порабощения негров. Он даже намеревался перейти в ислам, потому что стыдился быть христианином» (Бристоль, между прочим, был городом, разбогатевшим именно на работоторговле). Что касается Янна, то его мнение на этот счет высказано в романах «Перрудья» и «Река без берегов», а также в пьесе «Перекресток».

165

Янн вкладывает в уста Чаттертону слова об императоре Нероне («Он был поэтом – возможно, не хуже и не лучше меня. Кто знает? Был человеком, не хуже и не лучше меня. Кто знает?»), которые обретают несколько иной смысл, если мы вспомним, что говорится об этом императоре в статье Янна «Мое становление и мои сочинения»:

Из многочисленных возможных сюжетов для драматических сочинений меня в настоящее время увлекает только один: тот исторический факт, что дух убитого Домиция, именуемого Нероном, сгустился, став привидением, потому что фальсификаторы истории превратили его в чудовище, каковым он – с точки зрения некоей высшей инстанции, – очевидно, не был.

Как бы то ни было, Янн, в отличие от Томаса Чаттертона, не покончил с собой в восемнадцать

лет, но постарался пронести свои юношеские идеалы через всю жизнь. Он стал автором незаконченного романа-эпопеи «Река без берегов», первые две части которой были изданы в 1949-1950 годах. Трилогия эта не реалистична в общепринятом смысле слова; ее вторая часть написана от имени вымышленного персонажа, от первого лица, и называется «Свидетельство (*Niederschrift*) Густава Аниаса Хорна, записанное после того, как ему исполнилось сорок девять лет». Слово *Niederschrift*, означающее, собственно, «Записанное (Густавом Аниасом Хорном)» может означать и судебный протокол, и нотные записи, и создание – путем ее описания на бумаге – некоей новой сущности. Случайно ли, что и в пьесе Томас Чаттертон употребляет то же многозначное слово в отношении своего вымышленного персонажа, средневекового монаха Томаса Роули? Употребляет это слово, одновременно подчеркивая значимость творений фантазии:

*Записи (Niederschrift) монаха – моя работа, мое достояние. <...> Написанное мною – мое достояние. Не существует другой собственности, что была бы столь же надежна.*

Тут мы можем непосредственно перейти к вопросу о *третьей правде*, содержащейся в пьесе «Томас Чаттертон». Еще в период существования общины Угрино, в 1921 году, Янн опубликовал в качестве манифеста драматический диалог («Той книги первый и последний лист»<sup>37</sup>), в котором сформулировал свою поэтическую программу:

---

37 Русский перевод в: Ханс Хенни Янн. *Угрино и Инграбания* и другие ранние тексты.

Я раньше описывал себя, одного человека: как он живет и спит, видит сны, кушает и испражняется, и что думает и что чувствует, из-за чего жалуется и плачет и что восхваляет, и какие у него тайные волнения, в чем для него удовольствие и спасение... Но теперь я буду говорить *только о тех, кто – в своем сознании – доводит сотворенный мир до совершенства*. Не о том, что они едят, как спят, как ходят, стоят, жнут, сеют. Я теперь хочу показать их самих: их работу, их сущностное бытие, истечение их сверхчеловеческой потенции.

167

То есть: Янн здесь как бы дал себе обещание – которое впредь неукоснительно выполнял, – что будет писать только о людях искусства (понимаемого в самом широком смысле), потому что искусство представляется ему своего рода универсальной религией, поддерживающей существование человеческого сообщества.

Читая пьесу, нетрудно понять, что Чаттертон для Янна не столько мистификатор (то есть, в литературной жизни, *исключительный* случай), сколько фигура, олицетворяющая *поэта как такового*. Через этого персонажа Янн правдиво и наглядно выразил свои представления о том, что такое поэт и какова его позиция в мире.

Абуриэль – ангел (или: внутренний голос), являющийся юному Чаттертону и позволяющий ему почувствовать свою *призванность*, – при втором посещении раскрывает перед юношей мир книг (поэтического вымысла) и мир истории (или, скажем так, мир прошлых поколений, мир умерших). И предлагает ему:

Мертвый город живет. Теперь ты научишься смотреть на всё другими глазами. Смотри на то, что *ты* думаешь и чувствуешь, и считай это более достоверным, чем общепринятое. Возьми эту твою действительность и покажи ее недействительному миру замороженных деловых отношений. <...> Не пугайся! Исчезла завеса, только и всего. Греза это не греза, грезой является так называемая действительность.

В пьесе Янна «Новый Любекский танец смерти» (1931, 2-я редакция 1954) Косарь (смерть) в ответ на просьбу Матери Молодого человека, *поэта*, – «Покажите счастье, которое обещано моему ребенку!» – говорит:

Смотреть ты будешь глазами. Но прежде должна понять разумом: счастье – это *благородная страсть, пережитая в молодые годы*. Такая страсть – основа для двух благословенных даров: *памяти и умения грезить*.

Память и умение грезить – два качества, необходимые для поэта и помогающие ему создавать новую литературную реальность. Которая – в зависимости от того, как к ней относиться – может быть мертвой или живой (так, в пьесе о Чаттертоне, пугает Уильяма – именно тем, что она «мертвая и живая одновременно» – кукла-манекен Матильда).

Чаттертон, по убеждению Янна, создал и новую *языковую* реальность: живя – в Бристолле – в окружении грубых и невежественных людей, он «черпал слова оттуда, где они были представлены



полнее: из своего детского читательского опыта. <...> ...он дал полную волю своему ритмическому чутью и с помощью экспрессионистских средств возвысил придуманный им староанглийский до той величественной красоты, которая в конечном счете и обеспечила поэту посмертную славу» («К трагедии *Томас Чаттертон*»).

Реальный Томас Чаттертон уже в семнадцать лет перестал создавать произведения «Роулианского цикла» и с тех пор пытался стяжать себе славу и деньги в качестве политического сатирика, пишущего на злободневные темы, или автора либретто для музыкальных комедий.

Соответственно, в пьесе Томас показан как человек, погубивший – предавший – собственное призвание и дарование (в отличие, например, от Моцарта, упомянутого в эпиграфе к сцене КАНУН ПАСХАЛЬНОГО ВОСКРЕСЕНИЯ), что совершенно отчетливо видно из последних слов, обращенных к нему Абуриэлем:

Ты переоцениваешь свою гордость, свои распутства, торгуешь убеждениями и приносишь глубинные внутренние видения в жертву расхожим рифмам. <...> Не искушай сам себя, воображая, будто можешь выиграть красивую жизнь.

Такая трактовка подтверждается и высказываниями Янна в статье «К трагедии *Томас Чаттертон*»:

Короткая жизнь этого несчастливового человека, который был призван, но вряд ли стал избранным, давала пищу для многообразных

толкований. <...> За неделю, или за день, или за час до того, как он покончил с собой, приняв мышьяк и опиум, Томас Чаттертон пишет письмо своему другу Уильяму Смиту [письмо это целиком приводится в пьесе. – Т.Б.]: отречение от всего; разрыв с близким человеком и с поэтическим искусством; бегство к словарю, заимствование оттуда понятий, обладающих плотностью железа, – тогда как идеи души расплываются, истлевают. *Бряцанье* языка, возвещающее его скорую гибель... Последние обломки разума и человеческой привязанности здесь напрочь взрываются. Это самое удивительное прощальное послание, какое я знаю, – окончательное; и мы должны обратить на него внимание. Призрачная клеть из слов, пустопорожних греческих и латинских выражений, за которыми человеческое лицо расплывается, словно в тумане...

Тем не менее, сцена самоубийства Чаттертона проникнута сочувствием к нему, а заканчивается пьеса гневным монологом ангела, обращенным к обществу, которое *выталкивает из жизни* поэтов и вообще несогласных.

В заключение я остановлюсь вкратце на сценической истории «Томаса Чаттертона». История эта была сравнительно более счастливой, чем у других пьес Янна. В 1956 году состоялась премьера в гамбургском Немецком театре, в постановке знаменитого режиссера Густава Грюндгенса (1899-1963), годом ранее ставшего интендантом этого театра. Спектакль имел успех, широко обсуждался в прессе, и, возможно, отчасти благодаря это-

му Янн тогда же, в 1956-м, получил Литературную премию Свободного ганзейского города Гамбурга. За этой постановкой последовали другие: в берлинском *Шлосспарктеатер* (1958), в любекском *Каммершпиле* (1970), в дюссельдорфском Драматическом театре (1977). В 1985-м была осуществлена радиопостановка на Северонемецком радио.

В 2000-м состоялась премьера в нюрнбергском Драматическом театре (режиссер Николай Сикош); но к тому времени, видимо, Янн давно стал драматургом, в достаточной мере чуждым вкусам театральной публики. Во всяком случае, о нюрнбергском спектакле можно прочитать следующее:

171

Учитывая то обстоятельство, что пьеса, во-первых, не очень известна, и, во-вторых, содержит места, которые могут вызывать у зрителей разные оценочные суждения – скажем, относительно подхода к проблеме сексуальности или просто очень необычного языка, – постановка была рискованным экспериментом, особенно в связи со столь важной датой.

И все же эксперимент удался – несмотря на то (или: именно благодаря тому), что драматург Кристиан Грешель сократил оригинальный текст более чем наполовину, а оставшуюся часть пьесы посредством перестановок и вставок фактически скомпоновал заново – сохранив, тем не менее, своеобразие этой драмы.

В 1998-м в Саксонской государственной опере, в Дрездене, была впервые исполнена опера «Томас Чаттертон» (по сокращенному тексту пьесы

Янна), музыку для которой написал – за четыре года – двадцатисемилетний немецкий композитор Маттиас Пинчер. В 2000 году новая постановка этой оперы была осуществлена в венской *Фольксопера*. Как он понимает пьесу Янна, композитор объяснил в интервью «Австрийскому музыкальному журналу»<sup>38</sup> (№ 6, 2000):

172

Я пришел к этому материалу благодаря большому – и сохраняющемуся до сих пор – увлечению *эротическим языковым миром* произведений Янна, который я для себя открыл очень рано, в четырнадцать или пятнадцать лет...

Что касается социального окружения Чаттертона, то мы с Хеннебергом [Клаус Хеннеберг, совместно с Пинчером, написал либретто. – Т.Б.] быстро договорились: мы полностью исключим почти превратившуюся в клише *драму о художнике* в духе романтиков. Для меня здесь важна одна-единственная, монологическая фигура, которая терпит крах из-за своей нарастающей *hybris*<sup>39</sup>... Это пьеса об избытке – у молодого человека – творческого начала, совершенно неупорядоченного. Чаттертон не умеет с этим обращаться, да и никто вокруг него не понимает потенциала и ранимости таких энергий. Персонажей вокруг Чаттертона я изобразил так, что они кажутся зеркальными отражениями его

---

38 Furchen der Kommunikationslosigkeit. Matthias Pintscher im Gespräch mit Reinhard Kager.

39 Гордость (*древнегреч.*) – то есть человеческое самомнение, оскорбляющее богов, как оно понималось в классической греческой трагедии.

физического и психического распада, но в действительности не сближаются с ним. Эмоциональные моменты в опере демонстрируют, собственно, неспособность Чаттертона к коммуникации и поддержанию человеческих связей...

Абуриэль для меня – отколовшееся «я» Чаттертона: как бы другая сторона его личности, его желание, проекция... Абуриэль – зеркало распада Чаттертона: свойственный поэту латентный аутизм разверзает перед ним все новые бездны, что в конце концов приводит к трагической смерти.

**Издательства «Kolonna Publications»  
и «Митин Журнал» представляют**

**Джослин Брук  
ЗНАК ОБНАЖЕННОГО МЕЧА**

Конец 1940-х годов. Европа ждет новой мировой войны. Рейнард Лэнгриш, скромный банковский клерк, втягивается в таинственную систему военных учений и против своей воли становится бойцом непонятно с кем сражающейся армии. Его однополчане носят знак обнаженного меча на предплечье. Но началась ли война или это темные иррациональные силы испытывают рассудок героя? Первое русское издание романа классика английской литературы Джослина Брука приурочено к столетию со дня рождения писателя.

**Эдвард Морган Форстер  
ФАРΟΣ И ФАРИЛЛОН**

Британский писатель Эдвард Морган Форстер (1879-1970) был одним из создателей «александрийского мифа» XX века. Его усилиями египетский город, живущий торговлей «хлопком, луком и яйцами», в котором, казалось бы, не осталось ничего от города Александра, Клеопатры и Антония, превратился в одну из важных тем европейской литературы. Форстер разглядел в скучной улице Розетт, безуспешно пытающейся подражать парижским бульварам, Канопскую дорогу города Александра Великого, а в обитателях городского дна – персонажей александрийской поэзии.

**Издательства «Kolonna Publications»  
и «Митин Журнал» представляют**

Хуан Гойтисоло  
**ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ**

Образ репья, растоптанного сапогами российских солдат, сначала отправленных воевать в Чечню царем, потом Ельциным, потом Путиным – часто возникает в моей повести, я пишу об абсурдности и нескончаемости варварства. Зверства побеждают прогресс, в этом смысле в обществе немного меняется, а жестокости гражданской войны в Испании повторяются во всех войнах. Возможно, нас следует назвать бесчеловечной расой?

Александр Ильенен  
**БУТИК VANITY**

Светящееся здание «Бутика Vanity» теперь открыто для посещения. Пустующие этажи романа-с-ключом и романа-без-вранья, нового романа и петербургской повести Александр Ильенен заполняет прозой высокой концентрации, прекрасной ясности, хирургической точности – и давно забытого образца. Чтобы оценить возможности этой эфирной скорописи, не нужны навыки дешифровщика: так мог бы писать какой-нибудь пушкин-007 – обезьяна, тигр и француз в одном прозрачном флаконе.

Книги издательств «Митин Журнал»  
и «Kolonna Publications»  
можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулоч, д. 12/27  
«Москва» ул. Тверская, д. 8  
«Циолковский» Новая площадь д.3/4  
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8  
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5  
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2  
«Dodo» Таганская ул., 31/22

в *Петербурге*:

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15  
«Борхес» наб. Обводного канала, 60  
«Все свободны», наб. Мойки, 28, второй двор  
«Петербургская книжная лавка», Невский проспект, 66

через *Интернет*:

«Ozon» [ozon.ru](http://ozon.ru)  
«Книга» [kniga.ru](http://kniga.ru)  
«Esterum» [esterum.ru](http://esterum.ru)  
«Petropol» [petropol.com](http://petropol.com)  
«Болеро» [bolero.ru](http://bolero.ru)  
«Чакона» [chaconne.ru](http://chaconne.ru)  
«Международная книга» [mkniga.ru](http://mkniga.ru)  
«Лавка Я + Я» [shop.gay.ru/books](http://shop.gay.ru/books)

на *Украине*:

«Либра» [librabook.com.ua](http://librabook.com.ua)

По вопросу оптовых продаж обращаться в  
ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92  
Национальный книжный дистрибьютор  
«Книжный Клуб 36.6», тел. (495) 926-45-44

Все книги нашего издательства можно заказать  
наложенным платежом в редакции на сайте [kolonna.org](http://kolonna.org)

Ханс Хенни Янн

**ТОМАС ЧАТТЕРТОН**

*перевод пьесы посвящается Даниле Давыдову*

Kolonna Publications

Россия, Тверь, улица Брагина, 6, офис 301

Подписано в печать 28.02.2013 Тираж 500 экз. Заказ № 12.

Формат 70 x 100/32. Объем 6 п. л. Гарнитура itc Charter

Отпечатано в ЧП "Печатный двор "Содружества Дворян

и мертвой Обезьяны" 632521, Новосибирская обл.,

Убинский р-н, с. Убинское, Барабинский тракт, 4, офис 1.